

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, II Апрѣля.

СОДЕРЖАНИЕ: Къ реформѣ устава Театральнаго Общества.—Эпизоды къ «Горю отъ ума» и «Ревизору» (продолженіе). *А. Измайлова.*—Четверть вѣка назадъ.—Хроника театра и искусства.—Искусство актера. *А. Кокленъ.*—«Круча» (продолженіе) *А. Дьянова.*—Заграницей.—Провинц. лѣтопись.—Объявленія.

№ 15.

Рисунки: «Вдовецъ», съ карт. Грандковскаго.—*М. Г. Савина* въ роли Кати («По духов. завѣщанію»).—Шалыпинъ у себя дома, рис. *П. Ассатурова.*—«Ирисъ» на сценѣ театра «La Scala» (3 рис.).
Портретъ г. Секаръ-Рожанскаго.

Принимается подписка на 1899 г.
НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна за годъ 6 р.

за полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и 2 руб.

1-го юнія.

Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

С.-Петербургъ, 11 апрѣля.

Проектъ новаго устава Театральнаго Общества въ настоящее время уже составленъ, и вскорѣ будетъ разосланъ членамъ Общества для ознакомленія и соотвѣствующихъ замѣчаній. Новый уставъ, въ который пока еще не вошелъ уставъ корпораціи сценическихъ дѣятелей, состоящей при Обществѣ, заключаетъ 68 параграфовъ и съ достаточною полнотою намѣчаетъ будущую дѣятельность этого учрежденія, которому, повидимому, предстоитъ сыграть первенствующую роль въ будущемъ русскаго театра. Старый уставъ подвергается въ проектѣ коренному измѣненію. Уже въ 1 параграфѣ задачи Общества представляются въ иномъ совершенно свѣтѣ, чѣмъ прежде. «Общество имѣетъ цѣлью содѣйствіе всестороннему развитію театрального дѣла». Такимъ образомъ благотворительный характеръ отступаетъ на задній планъ и имѣетъ значеніе лишь по столько, по сколько благотворительная дѣятельность находится въ связи съ «всестороннимъ развитіемъ театрального дѣла».

Параграфъ 2 совершенно опредѣленно выясняетъ характеръ Театральнаго Общества. Дѣятельность его, по категориямъ, распредѣлена на 8 отдѣловъ и къ первымъ тремъ относится:

- 1) представительство предъ административными и общественными учрежденіями о нуждахъ театрального дѣла въ Россіи и объ интересахъ русскихъ сценическихъ дѣятелей,
- 2) надзоръ за общимъ ходомъ театрального дѣла въ Россіи въ интересахъ его прогресса и контроль надъ частными театральными предпріятіями, театральными школами, агентствами и т. п. учрежденіями, служащими дѣлу театра;
- 3) право представлять о замѣченныхъ нарушеніяхъ закона и всякихъ неправильностяхъ въ предѣлахъ дѣятельности Общества, на усмотрѣніе правительственныхъ учреждений и устранять таковыя, съ согласія и при содѣйствіи подлежащихъ властей.

Отсюда ясно, что Театральное Общество преобразуется въ родъ административнаго учрежденія, которому присваиваются извѣстныя права и суммы власти. Необходимость такого рода учрежденія ясна. У насъ нѣтъ «Министерства изящныхъ искусствъ», какъ, напримѣръ, во Франціи. Министерство Императорскаго Двора вѣдаетъ лишь тѣ учрежденія, которыя пользуются субсидією и денежными средствами Правительства. Но «изящныя искусства», и въ ряду ихъ такое крупное, сложное и обширное дѣло, какъ театръ, не знаютъ надъ собою власти, кромѣ полицейскихъ органовъ, дѣйствующихъ въ предѣлахъ «предупрежденія и пресѣченія преступленій». Этими органамъ не доступна ни инициатива по тѣмъ мѣропріятіямъ, которыхъ необходимость вызывается назрѣвающими потребностями жизни, ни общая, планомѣрная защита интересовъ, ни строгій контроль надъ дѣйствіями посредствующихъ въ театральной жизни, учреждений. Вся эта сложная работа должна отойти къ Театральному Обществу, которое, путемъ учрежденія корпораціи сценическихъ дѣятелей, можетъ

являть собою самоуправляющуюся, такъ сказать, единицу.

Реформа Театрального Общества обнимаетъ такое множество сопредѣльныхъ вопросовъ, затрогиваетъ такіе жизненные интересы всего театрального дѣла, что, само собою, невозможно объять весь уставъ въ одной небольшой замѣткѣ. Мы посвятимъ уставу цѣлый рядъ статей, ибо со многими его постановленіями и съ редакціею нѣкоторыхъ изъ нихъ не вполне согласны. Считая вопросъ о выработкѣ устава крайне важнымъ, мы предлагаемъ въ то же время высказаться по поводу проекта всѣмъ нашимъ читателямъ. Всѣ замѣчанія, представляющія какую либо практическую цѣнность, будутъ нами напечатаны подъ особой рубрикой: «къ реформѣ устава Театрального Общества».

На первыхъ порахъ позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на постановленія проекта о составѣ членовъ Общества. Параграфъ 4 дѣлитъ членовъ на соревнователей, членовъ Общества сценическихъ дѣятелей (будущая корпорація) и почетныхъ. Намъ представляется такое дѣленіе несправильнымъ. Параграфъ 2 включаетъ въ программу дѣятельности Общества устройство музеевъ, выставокъ, библиотекъ, читаленъ, школъ театрального дѣла, изданіе повременныхъ органовъ печати, касающихся театрального дѣла, представительство авторскихъ правъ и пр. Все это, какъ и многое еще другое, безспорно, входитъ въ задачу «всесторонняго развитія театрального дѣла». По смыслу же параграфа 4 авторы драматическихъ произведеній, рецензенты, теоретики сценическаго искусства и т. д., какъ не профессиональные сценическіе дѣятели, т. е. не члены корпораціи актеровъ, могутъ быть лишь «членами соревнователей». Но это не одно лишь соревнованіе. Это такое же устроительство театрального дѣла, какъ и игра на сценѣ.

Въ пользу учрежденія членовъ-соревнователей говорить то обстоятельство, что членскій взносъ съ нихъ больше, но эта вполне справедливая по отношенію къ актерамъ льгота могла бы быть достигнута тѣмъ, что члены будущей корпораціи платили бы половину. Наконецъ, если и допустить, въ интересахъ привлеченія къ Театральному Обществу вліятельныхъ покровителей, членовъ-соревнователей, то слѣдовало бы установить второй группой членовъ «дѣйствительныхъ членовъ», причемъ подъ послѣдними разумѣются какъ члены корпораціи актеровъ, такъ и вообще, всѣ тѣ лица, чья дѣятельность тѣсно соприкасается съ жизнью сцены. Это тѣмъ необходимо, что въ корпорацію сценическихъ дѣятелей слѣдуетъ допускать только ближайшихъ и непосредственныхъ работниковъ сцены. Корпоративное начало требуетъ тѣснѣйшей профессиональной связи, и потому именно въ Театральномъ Обществѣ должно объединить всѣ отрасли театральной жизни, т. е. литературу, сцену, науку театра и общественную дѣятельность, направленную къ его пользѣ.

Эпилоги къ „Горю отъ ума“ и „Ревизору“.

(Историко-литературная справка).

(Продолженіе *).

Липкинъ-Тяпкинъ характеризуется, какъ вольнодумецъ, осторожный въ разговорахъ и старающійся ко всѣмъ случаямъ подводить законы; Земляника, какъ проныра и плутъ, дерзкій до чрезвычайности, но на самомъ дѣлѣ трусъ; смотритель училища, какъ человѣкъ очень ограниченнаго ума, старающійся казаться ученымъ и выдѣлать разговоромъ. Новыми лицами являются нѣкій Проводовъ, настоящій ревизоръ, „скрывающійся подъ именемъ Рулева, красивый мужчина, лѣтъ 32, солидный, умный, благородный, говорящій ясно и плавно, съ женщинами шутиливый и веселый, съ мужчинами серьезный, изрѣдка принимающій тонъ ироническій“ и его секретарь.

Поднимающійся занавѣсъ открываетъ сцену разговора между городничихой и ея дочерью. Не безъ отбѣсна добродушія Анна Андреевна журить дочь за ея минутное увлеченіе Хлестаковымъ, оказавшимся самозванцемъ. „Обрадовалась петербургскому мальчишкѣ! Какъ будто въ Петербургѣ нѣтъ также дураковъ, вертопраховъ“. Узнавъ отъ дочери, что Хлестаковъ дерзнулъ даже поцѣловать ее въ шею, городничиха приходитъ въ негодованіе и на его дерзости, и на безтактности Марьи Антоновны, по упавшей въ эту минуту въ обморокъ. „Прошу, чтобы впередъ этого никогда не было, сударыня, восклицаетъ она,—въ обморокъ, и всегда въ обморокъ, слышите ли?“ Нѣсколько смягчивъ мать ласкательными замѣчаніемъ, что Хлестаковъ болѣе занимался ею и больше поглядывалъ на нее, чѣмъ на свою невѣсту, дочь городничиха переходитъ къ изложенію передъ матерью просьбы о позволеніи выйти замужъ за Рулева. Перспектива скромной женитбы, въ особенности послѣ того, какъ ея материнскіе аппетиты были недавно возбуждены расчетомъ на блестящій бракъ, представляется для Анны Андреевны совсѣмъ мало привлекательной, и она категорически отказываетъ въ просьбѣ. „Вотъ новость! говоритъ она.—За Рулева, за сояного пристава, чиновничка по сояной части! Ты съ ума сошла. Прекрасно мнѣ будетъ сказать, если спросятъ за тѣмъ ваша дочь,—за чиновникомъ по сояной части. Да меня осмѣютъ, зайдя въ здѣсь. Знаешь ли ты, что такое дочь городничиха?“ Рулевъ не заслуживаетъ, по ея мнѣнію, вниманія уже и потому, что онъ бѣлокуръ („терпѣть не могу бѣлокурыхъ“) и, во всякомъ случаѣ, она находитъ самый разговоръ несвоевременнымъ, въ виду грозы, готовою разразиться надъ городничимъ.

Глава семьи является взволнованный и озадаченный. Съ первыхъ словъ онъ проситъ воды и льетъ ее на голову. Оказывается, что городничій только что былъ у ревизора и, хотя не удостоился увидѣть его лично, но уже успѣлъ убѣдиться въ томъ, что онъ „долженъ быть престрашный“. Встрѣтившій его секретарь („во фракѣ изъ тонкаго сукна... въ петлицѣ кавалеріа“) объявилъ ему, что ревизоръ боленъ и передалъ ему всю подноготную о пріемѣ Хлестакова, чествованіи его и подкупахъ. Отъ городничихаго потребовали подробное донесеніе „о всемъ происходившемъ съ Хлестаковымъ“ съ подписью всѣхъ участниковъ дѣла. „Не знаю, какъ выйдѣть оттуда, словно парился въ душной банѣ“, заклю-

*) См. №№ 12, 13 и 14.

чаетъ начальникъ города. Попытка городничаго предложить новому ревизору взятку встрѣтила рѣзкій отпоръ со стороны секретаря послѣдняго, и совершенно растерявшись, начальникъ рѣшается созвать совѣтъ, изъ городскихъ чиновниковъ, частныхъ дѣлу, для обсужденія вопроса общими силами.

Въ ожиданіи гостей, городничій передаетъ женѣ о только что сдѣланномъ ему заявленіи Рулева о любви къ его дочери и просьбѣ ея руки. Описание своего довольно обеспеченнаго положенія Рулевъ заканчиваетъ изъясненіемъ готовности сослужить городничему службу, выпутавъ его изъ бѣды, въ какую онъ попалъ съ хлестаковской исторіей. „Я въ этихъ дѣлахъ свѣдущъ, говоритъ Рулевъ,—

въ театрѣ почти черезъ день. Всѣ дѣйствующія лица въ ней представляютъ вѣрнѣйшіе сколки съ здѣшнихъ чиновниковъ и жителей, не исключая и васъ, Антонъ Антоновичъ, Анны Андреевны и Марьи Антоновны. Подражаніе истинѣ въ этой пьесѣ до такой степени вѣрно, благодаря искусному перу сочинителя, что нѣкоторыя рѣчи наполнены грамматическими ошибками... *). Министръ пригласилъ Хлестакова къ себѣ и сильно журилъ. „Ошибка жителей не можетъ послужить вамъ извиненіемъ, сказалъ онъ,—если вы въ самомъ дѣлѣ приняли на себя роль (sic) ревизора, то вы самозванецъ. Если вы воспользовались простодушіемъ этихъ чудаковъ, для какой-нибудь шалости, то вы недостойны служить подъ моимъ начальствомъ, и я васъ выгоню

ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА.

«Вдовецъ» (картина Грандковскаго).

мастеръ писать; всю жизнь свою купаюсь въ чернилахъ; можетъ быть и помогу вамъ“. Послѣдній аргументъ, приведенный въ бесѣдѣ съ отцомъ семейства, склоняетъ и городничаго, и его жену къ благоклонному отвѣту. Еще болѣе содѣйствуетъ этому самъ Рулевъ, являющійся на сцену и доказывающій, что всѣ расчеты на женитьбу Хлестакова пора оставить въ сторонѣ. Попутно гость рассказываетъ, чѣмъ завершилась исторія Хлестакова въ Петербургѣ.

— „Еще до пріѣзда, рассказываетъ онъ,—весь анекдотъ о пребываніи его въ здѣшнемъ городѣ былъ доведенъ до свѣдѣнія министра. Вся канцелярія, зная обстоятельства сего дѣла, нетерпѣливо ожидала героя этого двухдневнаго романа. Вскорѣ и публика обо всемъ провѣдала. Начали съ хохотомъ рассказывать эту исторію вездѣ, на улицахъ, на биржѣ, въ собраніяхъ, даже въ мелочныхъ лавкахъ, называя здѣшнихъ чиновниковъ поименно. Этого недовольно: одинъ извѣстный авторъ написалъ новую комедію, прекрасную, въ пяти дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ „Ревизоръ“, которая такъ понравилась публикѣ, что ее и до сихъ поръ играютъ

изъ службы. Если же вы сами не догадались, за кого васъ принимали, то зачѣмъ же вы брали съ нихъ деньги?..“ Кончилось тѣмъ, что министръ предписалъ давно уже проживающему инкогнито въ вашемъ городѣ ревизору, чтобы онъ произвелъ строгое слѣдствіе“.

Между тѣмъ, на зовъ городничаго являются—смотритель училищъ Лука Лукичъ Хлоповъ, судья Аммосъ Федоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, попечитель богоугодныхъ заведеній Артемій Филипповичъ Земляника и уѣздный лекарь Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ. Гости оказываются уже хорошо освѣдомленными о цѣли приглашенія, и судья съ самаго начала предлагаетъ „отписываться“. „За этимъ дѣло не станетъ, замѣчаетъ онъ,—не впервые намъ отписываться. На томъ стоимъ“. По его инициативѣ чиновники сообща приступаютъ къ рѣшенію вопроса,

*) Трудно теперь угадать, саркастическій ли это намекъ на недостатокъ вообще гоголевскихъ сочиненій, выразительно отмѣчавшійся, между прочимъ, и по поводу «Ревизора», или не лицемѣрная, но оказавшаяся двусмысленною похвала реализму безсмертной комедіи.

кто первый разгласилъ, что Хлестаковъ ревизоръ. Ръшивъ, что виновнѣе всѣхъ Добчинскій и Бобчинскій, сослуживцы убѣждаются, однако же, что свалить весь грѣхъ на нихъ не удастся, такъ какъ никто не заставлялъ имъ вѣрить. Поднимается вопросъ, кто первый повѣрилъ ложному слуху и послѣ попытки обвинить лекаря, общій голосъ рѣшаетъ выставить виновною лѣхарику Земляники. Выясняется вслѣдъ затѣмъ, кто сколько далъ Хлестакову денегъ заимообразно, причемъ каждый изъ присутствующихъ старается представить дѣло настолько возможно проще и объяснить взятку простою ссудой. „Онъ былъ женихомъ моей дочери, оправдывается городничій“; — „я воленъ ссужать знакомыхъ своихъ деньгами сколько мнѣ угодно“, — заявляетъ судья.

Почувствовавъ необходимость обратиться къ совету своего будущаго зятя, городничій считаетъ нужнымъ представить его всему обществу. Будущій родственникъ его встрѣчаетъ, однакоже, очень высокомерное отношеніе въ гостяхъ, а Земляника не удерживается даже отъ замѣчанія, что начальникъ затѣл дѣло и не подходящее и не своевременное. „Важная особа, соляной приставъ!“ замѣчаетъ онъ. Происходитъ между нимъ и Рулевымъ явный конфликтъ, во время котораго задѣтый за-живо Рулевъ разоблачаетъ нѣкоторые темныя дѣянія попечителя богоугодныхъ заведеній, начиная съ того, что въ его лазаретѣ „уже два мѣсяца какъ дается больнымъ только по одному куску ржаного хлѣба и кончая исторіей мѣщанина Карпова, котораго, въ расчетѣ скрытъ отъ вниманія ревизора, по распоряженію Земляники увезли изъ больницы на простыхъ роспускахъ въ грязную обывательскую избу, гдѣ онъ и умеръ. Когда попечитель вдругъ понижаетъ тонъ и совершенно пасуетъ предъ своимъ обличителемъ, Рулевъ даетъ свой совѣтъ заговорщикамъ, предлагая, въ видѣ взятки, устроить для новаго ревизора праздничный вечеръ, подъ предлогомъ сговора дочери городничаго съ нимъ, Рулевымъ. Мысль приходится всѣмъ по сердцу, такъ какъ въ балѣ всѣ видятъ превосходный способъ отсрочки представленія рапорта, и Марья Антоновна съ своею матерью начинаютъ обсуждать вопросъ, въ какихъ платьяхъ имъ предстать предъ начальникомъ. Самъ Рулевъ отказывается присутствовать на вечерѣ подѣ тѣмъ предлогомъ, что находить не совсѣмъ удобною свою встрѣчу съ вышедшимъ въ люди ревизоромъ Проводовымъ, когда-то бывшимъ его товарищемъ по службѣ въ сенатѣ и считавшимся такою же мелкою сошкою, какъ и онъ. „Вѣроятно, ему непріятно будетъ встрѣтиться съ такимъ человѣкомъ, который зналъ его въ низшихъ чинахъ, или, какъ говорится, въ черномъ тѣлѣ“, — поясняетъ Рулевъ. — „При всемъ своемъ достоинствѣ, онъ хотѣлъ бы, можетъ быть, заставить думать, что онъ родился съ лентою черезъ плечо“. Женихъ Марьи Антоновны, съ своей стороны, предлагаетъ представить его ревизору къ концу бала, „когда всѣ будутъ веселы и довольны, и самъ ревизоръ будетъ пресыщенъ удовольствіями“. Представленный ему въ качествѣ хозяина дома Рулевъ уже не будетъ самъ испытывать неловкости и не поставитъ ревизора въ щекотливое положеніе.

Возникшій было споръ о томъ, какимъ образомъ собрать деньги на балъ, прерывается являющійся въ гости почтмейстеръ, передающій городничему только что полученное письмо отъ Хлестакова, которое и прочитывается вслухъ передъ всѣми. Разоблаченный обманщикъ пишетъ положительно восторженные строки. „Во всемъ успѣхъ, побѣда, торжество да и только. Куда ни обернусь, вездѣ слышу: Иванъ Александровичъ! Вашъ городъ меня прославилъ,

обезсмертилъ“... Продолжая врать по прежнему, Хлестаковъ сообщаетъ, что его начальникъ, узнавъ, что онъ былъ принятъ въ городѣ за ревизора, рѣшилъ и на самомъ дѣлѣ послать его въ помощь настоящему ревизору—Проводову. Сообщивъ о своемъ немедленномъ выѣздѣ изъ Петербурга, Хлестаковъ напоминаетъ о своей предстоящей свадьбѣ съ дочерью городничаго и въ заключеніе посылаетъ всѣмъ домочадцамъ послѣдняго поцѣлуй.

На этотъ разъ болтовня Хлестакова не производитъ уже ожидаемаго впечатлѣнія. Всѣ единогласно признаютъ автора письма обманщикомъ, а общее мнѣніе подтверждаетъ Рулевъ, высказывающійся, что, если Хлестаковъ и можетъ быть присланъ въ городъ, то единственно въ цѣляхъ выясненія происшедшаго съ нимъ недоразумѣнія. Принимаетъ его слова за чистую монету одна Анна Андреевна, которая и спѣшитъ заявить какъ Рулеву, такъ и дочери, что ихъ женитьба должна разстроиться, въ виду возвращенія Хлестакова. Рулеву приходится потратить немало краснорѣчія, чтобы убѣдить честолюбивую мать отказаться отъ лестной свадьбы. Онъ убѣждаетъ ее бесполезно до тѣхъ поръ, пока не догадывается поставить дѣло на иную почву и не начинаетъ играть на нѣжныхъ чувствахъ городничихи. Очень скоро удается ему доказать ей, что и Хлестаковъ безумно влюбленъ въ нее, и сама она тайнѣ его любить. Анна Андреевна соглашается съ настаиваніями Рулева и объявляетъ встревоженной дочери, что она ничего не имѣетъ противъ ея настоящаго жениха.

А. Измайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Четверть вѣка назадъ.

(Къ 25-ти лѣтнему юбилею г-жи Савиной).

Въ 1874 году 9 апрѣля на сценѣ Александринскаго театра впервые выступила въ роли Кати („По духовному завѣщанію“) М. Г. Савина. Официальный, такъ сказать, юбилей отложенъ до будущаго осенняго сезона. Помѣщаемый въ этомъ № нашего журнала портретъ изображаетъ артистку именно въ этой роли, доставившей ей сразу громкую извѣстность въ публикѣ и утвердившей за ней прочныя симпатіи. Портретъ этотъ, самъ по себѣ, представляетъ уже большую рѣдкость, но еще интереснѣе отзывы современной критики, которые позволили себѣ привести здѣсь ввидѣ небольшой исторической справки. Похвалы критики покуда еще тогда — *bonny soit qui mal y pense* — дороже, чѣмъ теперь. Вотъ что писалъ, напримѣръ, „Голосъ“.

„Наша русская драматическая сцена давно уже не радавала посѣтителей Александринскаго театра такимъ крупнымъ талантомъ, какъ дебютировавшая вчера, во вторникъ, 9-го апрѣля, г-жа Савина, извѣстная уже отчасти по отзывамъ корреспондентовъ изъ Саратова и по участію ея въ спектакляхъ, бывшихъ постомъ въ залѣ благороднаго собранія. Г-жа Савина выступила на официальной сценѣ въ роли Кати въ комедіи „По духовному завѣщанію“, и художественною простотою, естественной декламацией и серьезнымъ отношеніемъ къ условіямъ сценическаго искусства, произвела на всѣхъ пріятное впечатлѣніе, вызвавъ громкія рукоплесканія, сопровождавшія каждый выходъ даровитой дебютантки. Г-жа Савина молода, хороша собой и обладаетъ богатыми природными средствами — всѣми данными, необходимыми для той сценической иллюзіи, безъ которой художественное исполненіе невозможно. Читаетъ г-жа Савина внятно, раздѣльно, напоминая въ этомъ отношеніи московскую актрису г-жу Федотову; каждое слово ея слышно и понятно, вслѣдствіе правильной интонаціи, соображенной съ даннымъ моментомъ сцены. Дебютантка держитъ себя непринужденно, не рисуется, не ло-

мается. но никогда, ни въ монологахъ, ни въ репликахъ, не забываетъ, что она на сценѣ и твердо выдерживаетъ роль, сосредоточивая все вниманіе на ходѣ пьесы и не развлекаясь созерцаніемъ партера и ложъ даже въ тѣ моменты, когда она не принимаетъ непосредственнаго участія въ развитіи драмы. Всѣ эти довольно азбучныя условія драматическаго искусства производятъ то цѣльное представленіе. безъ котораго невозможно достигнуть художественнаго впечатлѣнія, составляющаго главную цѣль актера. Г-жа Савина, какъ видно, хорошо знакома съ этими условіями сцены и серьезно изучала ея требованія; дебютантка доказала это не только въ комедіи, но и въ водевилѣ «Она его ждетъ» (Madame attend Monsieur). Если въ комедіи она заставила насъ забыть исполненіе роли Кати г-жею Яблочкиной 2-й, то въ водевилѣ, исполняя роль, такъ художественно воспроизводимую на французской сценѣ даровитою г-жею Лагранжъ, она по таланту напомнила намъ эту любимицу Михайловскаго театра, а по простотѣ и естественности игры явилась опасною ей соперницею.

Нельзя не привѣтствовать появленіе на нашей сиротствующей сценѣ такого дарованія, какимъ несомнѣнно обладаетъ г-жа Савина. Такъ какъ въ клубахъ намъ удалось видѣть эту артистку и въ драматическихъ роляхъ, то послѣ испытанія столь удачно выдержаннаго ею на официальной сценѣ Александринскаго театра, мы имѣли основаніе думать, что она и въ этомъ жанрѣ можетъ занять видное мѣсто.

А вотъ, что писалъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ г. Крыловъ, тотъ самый г. Крыловъ, который впоследствии, благодаря чудному таланту г-жи Савиной, открылъ секретъ писать пустяки и буквально наводнилъ всѣ столичные и провинціальныя сцены своими произведеніями.

«Г-жа Савина—артистка еще очень молодая, средняя роста, съ пріятнымъ, подвижнымъ лицомъ и хорошимъ органомъ. Къ этимъ даннымъ мы должны прибавить замѣтное стараніе въ артистѣ разработать роль, создать ее, воспользоваться своеобразно не только положеніемъ, но часто даже просто фразой, словомъ, жестомъ. Я не скажу, чтобы я былъ вполне удовлетворенъ ея исполненіемъ роли Кати (въ «Духовномъ завѣщаніи»); иное въ ней было схвачено не вѣрно, иное не замѣчено—но самыя ошибки говорили въ пользу актрисы. Если она не все выражала такъ, какъ слѣдовало, то все-таки выражала по своему, и замѣтно было, что она думала, соображала, что сдѣланное явилось не бездѣлкой, случайной выходкой, а было результатомъ работы и мысли. Между зрителями, разумѣется, не обошлось безъ сравненій: вспоминали г-жу Яблочкину 2-ую, составившую себѣ нѣкотораго рода славу этой роли; иные отдавали г-жѣ Яблочкиной преимущество; но при такихъ сужденіяхъ забывали, что г-жа Яблочкина играла эту роль первая, что пьеса была тогда тщательно срепетована, что актриса получила самыя подробныя указанія на всевозможныя мысли и роли во время репетицій, тогда какъ г-жа Савина работала одна, самобытно. Лучше всего удалось артисткѣ сцены второго дѣйствія, исполненныя иногда съ выдающеюся граціей и мимикой. Слабѣ другихъ была финальная сценка въ третьемъ дѣйствіи. Одноактная пьеска «Она его ждетъ», въ которой артистка исполнила роль совершенно противоположную предыдущей, менѣе удалась ей; но и тутъ было нѣсколько моментовъ ловкой артистической отдѣлки. Г-жа Савина имѣла большой (можетъ быть, немножко и подогрѣтый) успѣхъ. (Намъ кажется очень неуважательными и нелѣпыми встрѣчныя рукоплесканія актрисѣ, въ первый разъ дебютирующей). Артистка будетъ весьма хорошимъ приобретеніемъ для русской сцены, если не совсѣмъ ловкіе приемы не вскружатъ ей голову, и если она, помня, какъ легко у насъ развѣчиваютъ того, кого легко вѣчали, будетъ больше довѣрять своему художественному чутью и честной работѣ, чѣмъ апплодисментамъ».

(«С.-Петербургскія Вѣд.» 1874 г. № 99).

Что касается послѣдняго замѣчанія г. Крылова на счетъ „подогрѣтаго успѣха“ г-жи Савиной, то его явная несправедливость становится сразу очевидной, если принять во вниманіе, что въ тотъ памятный вечеръ въ залѣ Александринскаго театра находилось множество лицъ, уже знакомыхъ съ прекраснымъ талантомъ молодой дебютантки по великопостнымъ спектаклямъ въ Благородномъ Собораніи. Г-жа Савина была давно желаннымъ и такъ сказать вполне натуральнымъ явленіемъ на русской сценѣ, нравственный престижъ которой сильно пошатнулся въ то время, благодаря господству оперетки. Во всякомъ случаѣ, слава ея, какъ самобытной артистки, была уже вполне завоевана. И довольно странно читать въ „Петербургской Газетѣ“, что г-жѣ Савиной очень далеко до Яблочкиной 2-ой. Впрочемъ, почтенная газета впоследствии замолила свой первоначальный грѣхъ.

Вотъ статистическія справки о томъ огромномъ трудѣ, который несла г-жа Савина въ первую четверть вѣка своего служенія. Репертуаръ ея достигъ до 300 ролей и участвовала она болѣе чѣмъ въ 2,000 спектакляхъ. Приведемъ диффы за послѣдніе сезоны, начиная съ 1890 г.

М. Г. Савина 25 лѣтъ назадъ.
Въ роли Кати («По Духовному завѣщанію»).

Сезонъ 1890 — 91 гг.—23 роли въ 92 спектакляхъ; кромѣ того, гастр. роли въ Москвѣ въ 4 роляхъ. Сезонъ 1891 — 92 гг.—19 ролей въ 103 спектакляхъ; сезонъ 1892—93 гг.—24 роли въ 115 спектакляхъ; сезонъ 1893—94 гг.—22 роли въ 89 спектакляхъ; сезонъ 1894—95 гг.—17 ролей въ 74 спектакляхъ; сезонъ 1895—96 гг.—19 ролей въ 80 спектакляхъ; сезонъ 1896—97 гг.—14 ролей въ 85 спектакляхъ.

М. Г. Савина — столь крупное явленіе въ исторіи нашего театра, что ея дѣятельность заслуживаетъ обстоятельной монографіи. Мы приурочимъ ее къ официальному чествованію юбилея. Въ статьяхъ нашихъ мы рассмотримъ индивидуальность артистки, основные элементы ея творчества и то новое, которое она внесла въ русскій театръ. Нельзя не сознаться, что на долю нашей несравненной артистки выпало гораздо больше восторженныхъ похвалъ, нежели серьезныхъ критическихъ сужденій. А между тѣмъ Савина—это глубоко интересная страница театра, и можетъ быть, еще болѣе живописная страница нашей современности.

ХРОНИКА театра и искусства.

Сообщаемъ нѣкоторыя дальнѣйшія подробности о турнѣ нашихъ артистовъ за-границей.

29-го марта, какъ мы уже сообщали, въ королевскомъ театрѣ вторично дана была, по желанію императора Вильгельма, „Василиса Мелентева“.

Императоръ Вильгельмъ отнесся съ особеннымъ интересомъ и внимательностью къ этому спектаклю. По его распоряженію, почти всѣ ложы бель-этажа были оставлены для двора и офицеровъ разныхъ гвардейскихъ полковъ.

Спектакль прошелъ съ большимъ успѣхомъ. Императоръ, видимо, очень былъ доволенъ спектаклемъ. Онъ много разъ горячо и съ видимымъ удовольствіемъ апплодировалъ исполнителямъ. Послѣ же спектакля онъ пожелалъ лично побесѣдовать съ г-жами Савиной и Стравинской. Русскій посолъ графъ Остенъ-Сакенъ представилъ императору явившихся артистокъ.

Императоръ и императрица долго и любезно бесѣдовали съ ними о русскомъ сценическомъ искусствѣ, драматической литературѣ и ихъ современномъ направленіи.

— Вы открыли мнѣ совершенно новый, глубоко интересный міръ!—сказалъ императоръ Маріи Гавриловнѣ, какъ она передала намъ потомъ,—до сихъ поръ онъ былъ для меня terra incognita. Я отъ души желаю-бы, чтобы наши артисты видѣли вашу игру и поучились у васъ той естественности и простотѣ, съ которой вы умѣете передавать классическія роли.

Затѣмъ, императоръ обратился къ г-жѣ Стравинской. Узнавъ отъ послѣдней, что она два года училась въ театральномъ училищѣ, — онъ спросилъ г-жу Савинну, — гдѣ училась она.

— „Нигдѣ!“—отвѣтила та.

— „И правъ! Я говорилъ, я говорилъ вамъ, что это самородный талантъ!“ — весело и оживленно обратился императоръ къ присутствовавшимъ.

Прощаясь, императоръ передалъ г-жѣ Савинной роскошный, цѣнный браслетъ, усыпанный рубинами, съ бриллиантовымъ изображеніемъ прусскаго орла. Г-жа Стравинская получила подарокъ — рубиновую брошь съ такимъ-же орломъ. Подарки получили также гг. Горевъ, Аннолонскій и Долиновъ.

Въ Прагѣ спектакли русской труппы, какъ и слѣдовало ожидать, дали поводъ къ патристическимъ манифестаціямъ. Пражскія печатъ устроила въ честь гостей банкетъ, на которомъ присутствовало около 500 человекъ избраннаго чешскаго общества. Объ энтузіазмѣ чеховъ можно судить по слѣдующей, примѣръ, рецензіи вліятельной чешской газеты „Politik“.

«Мы пишемъ эти строки,—говоритъ критикъ,—подъ впечатлѣніемъ грандіознаго художественнаго событія, видѣннаго нами вчера на сценѣ «Национальнаго театра» и потрясшаго насъ до глубины души. Этотъ спектакль,—«Дама съ камеліями» Сарду (?). Исполненіе русскими артистами драмы Сарду (?) останется незабвеннымъ для всѣхъ, кто имѣлъ счастье присутствовать на спектаклѣ. Успѣхъ рожъ съ каждымъ актомъ. Въ третьемъ дѣйствіи публика приняла лихорадочное участіе въ ходѣ спектакля. А въ концѣ четвертаго, сыграннаго съ такимъ совершенствомъ, какого мы никогда не видѣли, рукоплесканія и овации приняли небывало грандіозный характеръ. Публика аплодировала гениальнымъ русскимъ исполнителямъ. Изъ тысячи устъ вырывались слова восторга. Всѣ хотѣли выразить благодарность за доставленное имъ великое эстетическое наслажденіе.

Вліяніе русскихъ гастролей на наше искусство трудно опредѣлить; но оно должно оказаться громаднымъ. Г-жа Савина и близкіе ей по гениальности (!) артисты показали намъ самое высокое и чистое искусство. Г-жа Савина обрѣтаетъ успѣхъ въ необыкновенной реальности своей игры, въ способности подниматься до высшихъ предѣловъ творчества. Труппа, ее окружающая, придерживается тѣхъ-же началъ въ искусствѣ. Самая маленькая роль исполняется великолепно; всѣ играютъ съ поразительнымъ ансамблемъ. Вотъ, чѣмъ объясняется сенсаціонный успѣхъ русскихъ гостей.

Но приходится отмѣтить еще одинъ моментъ. Это—до-ступность русскаго языка для чешскаго уха. Мы понимаемъ языкъ нашихъ русскихъ братьевъ; чешскій языкъ отличается отъ русскаго, какъ баварское нарѣчіе отъ Plattdeutschen и vice versa. Русскіе также легко понимаютъ по чешски. Вотъ почему наши гости чувствуютъ себя такъ хорошо въ столицѣ богемскаго королевства, среди братскихъ чеховъ, любящихъ одинаково горячо всѣ славянскіе народы.

Остается только читать да радоваться...

* * *

Бенефисъ г. Коръ-де-Ласа „Пиръ Вальтасара“ драма Антропова въ 4 д.

Это былъ очень веселый спектакль... Прежде всего очень весело чествовали бенефицианта г. Коръ-де-Ласа, поднесли ему вънокъ и еще что-то блестящее и онъ благодарилъ и раскланивался очень весело. Затѣмъ дружно вызывали актеровъ и автора, причемъ послѣдніе артистки выводили за руки и онъ поочередно наступалъ имъ на платье, что было также очень смѣшно...

Сама пьеса.. Успѣхъ спектакля заключался не въ ней. Это самая шаблонная, самая ordinaria драма, къ которой пристегнуто громкое названіе „Пиръ Вальтасара“ для привлеченія довѣрчивыхъ зрителей. Разсказать содержаніе ея было бы не трудно, еслибы авторъ сохранилъ намѣченную имъ простоту сюжета и не громоздилъ бы столько дешевыхъ эффектовъ и пелѣныхъ положеній. Но „Пиръ Вальтасара“ настолько изобилуетъ ими, что въ концѣ концовъ терпѣть руководящую нить и буквально забываетъ взаимотношеніе дѣйствующихъ лицъ. Казалось бы, дѣло обстоитъ очень просто. Одинъ простаки любитъ одну куклу, а кукла ему измѣняетъ и любитъ негодяя въ свѣтлыхъ брюкахъ. Простаки страдаетъ, но въ силу своей безхарактерности боится вывести дѣло на свѣжую воду и старается

оправдать жену и негодяя въ своихъ глазахъ. Когда въ обществѣ начинаютъ ему намекать на репутацію его жены, простаки не выдерживаетъ и въ послѣдній разъ, наговоривъ горькихъ истинъ по адресу самого общества, умираетъ очень просто, хотя и отъ аневризма, какъ умираютъ всѣ простаки, у которыхъ красивыя жены и самые не-презентабельныя брюки.

Таковъ скелетъ драмы. Въ общихъ чертахъ онъ напоминаетъ „Блуждающіе огни“ г. Антропова-отца. Г. Антроповъ-сынъ, находясь подъ очевиднымъ влияніемъ своего родителя, не удержался однако отъ того, чтобы не блеснуть своей оригинальностью и не проявить нѣла молодой души, склонной къ сильнымъ выраженіямъ и сильнымъ натурамъ. Съ этой цѣлью онъ вывелъ въ своей драмѣ нѣсколько совершенно новыхъ типовъ, вродѣ старика—книзя, поэта-символиста, актрисы въ декольте, критика и др. Вторыя роли такъ же неясны, какъ и главна, и вообще, все дѣйствіе разыгрывается, въѣ времени и пространства. Въ четвертомъ дѣйствіи даже танцуютъ не то вальсъ „Вальтасаръ“, не то польку—трамблямъ. Эта сцена правится публикѣ, но собственно, по совершенному несоотвѣтствію со всѣми остальнымъ, она напоминаетъ скорѣе сцену изъ „Обзорѣнія“. Г. Антроповъ столько нагромоздилъ въ своей пьесѣ всякаго добра, что иногда самъ не можетъ распутаться и тогда вводитъ въ дѣйствіе очень оригинальный пріемъ рѣшенія, а именно уводитъ всѣхъ своихъ персонажей и оставляетъ сцену на нѣкоторое время пустой... Такова эта младенческая пьеса начинающаго автора.

Что касается исполненія пьесы г. Антропова, то принявъ во вниманіе неправдоподобныя условія, въ которыхъ были поставлены гг. исполнители, ихъ можно поощрить и не бросать имъ слова укоризны. Болѣе другихъ мнѣ понравился г. Далматовъ, въ эпизодической роли брата и г-жа Домашева, очень мило и очень ровно, проведя роль барышни-попрыгуньи, а также мѣстами г. Тинскій, въ роли довѣрчиваго простаки. Объ остальныхъ aut bene aut nihil...

Ю. Д. Б.

* * *

Третій экзаменационный спектакль учениковъ П. Д. Ленскаго прошелъ съ большимъ еще успѣхомъ, чѣмъ два предыдущіе. Въ „Медѣѣ“ г-жа Карелина обнаружила звучный, хороній голосъ и весьма правильное чтеніе стиховъ. Въ „Ювдушнихъ замкахъ“ отличился г. Крашенинниковъ прекраснымъ чтеніемъ и твердостью тона, хотя бы вѣру заправскому артисту. Г-жа Топорская должна обратить вниманіе на неясность дикціи, благодаря которой пропадаютъ окончанія словъ. Слабѣе прошелъ отрывокъ изъ „Гартюфа“. Г-жа Осташевская, очевидно, пригодила только для бытовыхъ ролей, а ся Дорина была весьма далека отъ мольеровскихъ субретокъ. Впечатлѣніе отчасти сгладили г-жа Апанина и г-нъ Трофимовъ—Валеръ. Въ „Романтикахъ“, кромѣ Страфореля—г. Крашенинникова, явившаго обычную у этого ученика добросовѣстность, выдѣлился прекрасными данными лирическаго любовника ученикъ 2 курса—Персинъ. Мѣстами пріятное впечатлѣніе составляла и г-жа Бронникова.

П. Д. Ленскій, судя по экзаменационнымъ испытаніямъ,—превосходный преподаватель, не нислующій учениковъ, но заботливо охраняющій ихъ развитіе.

* * *

На послѣднемъ собраніи пайщиковъ «Художественнаго» театра въ Москвѣ было постановлено построить собственный театръ. Имѣется въ виду нѣсколько мѣстъ и предложеній, но съ рѣшеніемъ пока еще медлитъ. Проектируется выстроить театръ согласно послѣднему слову театрально-строительной техники, по образцамъ новыхъ заграничныхъ театровъ.

* * *

Оркестръ французской національной гвардіи пріѣзжаетъ въ Россію и въ теченіе Пасхальной недѣли будетъ играть въ Петербургѣ въ Коно-гвардейскомъ манежѣ, а съ 27 по 30 апрѣля—въ Москвѣ, въ городскомъ манежѣ.

* * *

Разныя новости.

Театръ въ Екатеринбургѣ снятъ П. П. Струйскимъ. Томскъ, по прежнему, будетъ держать г. Корсаковъ. Предполагается опера и оперетта. Театръ въ Уфѣ на дѣтній сезонъ снятъ гг. Арбенинымъ и Черновымъ.

В. П. Далматовъ, какъ мы слышали, дѣломъ будетъ гастролировать на югъ Россіи.

Новая пьеса г-жи Дубельтъ „Тѣни“ переименована въ „Живыя Тѣни“ и пойдетъ въ будущемъ сезонѣ на сценѣ театра Литературно-артистическаго Кружка. Мы надѣемся напечатать эту пьесу въ приложеніяхъ къ нашему журналу.

Нѣсколько ангажементовъ. Г. Михайловичъ-Дольскій заключилъ контрактъ въ товарищество г. Вородая. Г. Карамазовъ ведетъ переговоры съ г. Струйскимъ. Г. Анчаровъ-Эльстонъ перешелъ къ Н. Н. Синельникову.

Предстоящіе дебюты. На Святой и Оминой недѣляхъ состоятся дебюты П. В. Самойлова въ „Доходномъ мѣстѣ“, „Ревизорѣ“ и „Горѣ отъ ума“ и Г. А. Яковлева-Востокова въ „Кручинѣ“ и „Борцахъ“.

Ученикамъ и ученицамъ выпускного класса П. Д. Ленскаго повезло, и почти всѣ приглашены на предстоящій лѣтній сезонъ, преимущественно въ окрестностяхъ Петербурга. Г. Нильскій, снявшій театръ въ Старой Руссѣ, пригласилъ г-жъ Осташевскую и Черкасову.

Режиссеромъ, въ театрѣ Корша на мѣсто Андреева-Корсикова поступаетъ, по слухамъ, г. Ивановскій, бывшій антрепренеръ въ г. Николаевѣ.

На лѣтній сезонъ въ турнэ — Пермь, Екатеринбургъ, Тюмень отправляется труппа, сформированная г-жей Волгиной.

Оперная труппа М. М. Вородая съ Пасхи предпринимаетъ путешествіе по Волгѣ. Спектакли начнутся въ Казани съ 21 апрѣля по 8 мая. Затѣмъ опера посѣтитъ другіе города въ слѣдующемъ порядкѣ: Симбирскъ съ 9—15 мая, Самару съ 16—29 мая, Оренбургъ съ 30 мая—11 июня, Сызрань съ 13—25 іюля и затѣмъ Астрахань по 15 августа.

Нашумѣвшій своимъ третейскимъ разбирательствомъ А. А. Агаревъ и Ж. Т. Агарева-Инсарова подписали контрактъ въ Самару, къ П. П. Медвѣдеву.

* * *

1 апрѣля состоялось открытіе спектаклей въ новомъ театрѣ С.-Петербургскаго городского попечительства о народной трезвости, перестроенномъ изъ зданія бывшаго Стекланнаго завода. Для открытія шелъ „Ревизоръ“ съ тѣмъ же составомъ исполнителей, съ какимъ онъ шелъ сначала въ Таурическомъ саду, а позднѣе — въ Михайловскомъ манежѣ. Исполненіе было прежнее. Только одинъ г. В. Петипа ухитрился прибавить нѣсколько — выражаясь актерскимъ жаргономъ — «фортелей». Такъ, напр., въ сценѣ, когда Хлестаковъ ѣстъ супъ, г. Петипа предвосхитилъ «колѣнцо» Осипа и провелъ эту сцену такъ: схватилъ миску и началъ пить черезъ край изъ нея. Впрочемъ, «верхамъ» это понравилось, чего собственно и добивался г. Петипа. Скоро же привилось къ нему «актерство» въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова!

Н. О. Сазоновъ дѣятельно готовитъ труппу къ лѣтнему сезону. Окончательно рѣшено ставить спектакли лѣтомъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) въ закрытомъ театрѣ за Невскою заставой (режиссеръ Я. И. Шмитовъ), 2) въ Таврическомъ саду (режиссеръ А. Я. Алексѣевъ), 3) въ Екатерингофскомъ саду (режиссеръ Д. В. Вольфъ), 4) въ Полюстровскомъ саду (режиссеръ Шеинъ), 5) въ Петровскомъ паркѣ (режиссеръ В. П. Василѣвъ).

Труппа попечительства будетъ значительно пополнена. Уже приняты на службу: г-жа Баскакова и г. Дьяконовъ, служившіе въ попечительствѣ прошлое лѣто, и г. Молчановъ, послѣдніе лѣтніе сезоны выступавшій въ «Новомъ Эрмитажѣ».

Для перваго дебютнаго спектакля была поставлена «Чародѣйка», въ которой выступили г-жи Вольнова (Настасья), Красова (княгиня Евпраксія), Меньшихъ (Ненила) и гг. Никольскій (князь Никита Курлятевъ), Петропавловскій (Паисій), Бартенева (Лукашъ) и Синявинъ (Мамыровъ).

Г-жа Вольнова — брюнетка, роста нѣсколько выше средняго, съ выразительнымъ лицомъ, мимика лишена оживленія; голосъ сильный, но не гибкій, съ глухимъ горловымъ оттенкомъ, почему и неблагоприятенъ для передачи тонкихъ оттенковъ; манеры, умѣнье распоряжаться паузами и знаніе сцены свидѣлствуютъ о сценической опытности.

Болѣе способная, но менѣе опытная, повидимому, артистка г-жа Красова. Внѣшность для бытовыхъ ролей благодарная, голосъ звучный и гибкій, экспрессія есть; но манеры однообразны и при уходахъ тонъ понижается, иначе говоря — не держитъ «настроенія».

Г-жа Меньшихъ произвела неопредѣленное впечатлѣніе.

Изъ мужчинъ первое мѣсто слѣдуетъ отвести г. Никольскому, съ успѣхомъ игравшему весь зимній сезонъ въ Нѣмецкомъ клубѣ. Этотъ артистъ обладаетъ сценической наружностью, подвижнымъ лицомъ, недурно позируетъ; голосъ у него сильный и звучный, но манера говорить — растягивая и отчеканивая слова московская, да и тонъ нѣсколько приподнятый. Г. Петропавловскій — хорошій исполнитель на роли простаковъ, съ подходящими для этихъ ролей голосомъ и наружностью, но выступать въ роляхъ серьезныхъ комиковъ, на которыя онъ поступаетъ въ труппу Попечительства — ему еще рано. Способный актеръ г. Бартенева. Средній ростъ, звучный и хорошо поставленный голосъ, хорошія манеры — вотъ отличительныя данныя этого артиста. Смѣхъ у него, впрочемъ, выходитъ натянутымъ. Г. Синявинъ едва ли обладаетъ какими нибудь сценическими способностями.

Во вторникъ, 6 апрѣля, состоялся второй дебютный спектакль, для котораго была поставлена драма «Свѣтитъ, да не грѣетъ». Значительный успѣхъ выпалъ на долю г-жи Надеж-

диной, избравшей для своего дебюта роль Оли Васильковой. Для ingénue г-жа Надеждина обладаетъ нужными данными: небольшой ростъ, изящная фигурка, звучный, хотя и не совсемъ разработанный голосъ; мимика довольно оживленная, пріятныя манеры и извѣстная экспрессія. Вообще, изъ г-жи Надеждиной, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ выработаться хорошая актриса, чего, напр., нельзя сказать про г-жу Томпсону, дебютировавшую въ роли Реновой. Визгливый голосъ, рѣзкія движенія и манеры — все это данное, съ которыми мудрено что нибудь сдѣлать. Что касается г-жъ Сольской и Аничковой, то обойдемъ молчаніемъ ихъ исполненіе.

Н. У—овъ.

* * *

Г. Шаляпинъ у себя дома.

(Рис. П. Асатурова).

Дѣло объ убійствѣ Рождина-Инсарова будетъ слушаться въ Кіевѣ въ первую осеннюю сессію. Такимъ образомъ, сообщенія о томъ, будто судебное разбирательство переносится то въ Харьковъ, то въ Одессу, оказываются лишними всякаго основанія.

* * *

Театральной цензурой разрѣшена къ представленію новая одноактная комедія И. Д. Щеглова: «Милая опечатка», содержаніе которой имѣетъ отношеніе къ памяти А. С. Пушкина.

* * *

Изъ современныхъ странностей, имѣющихъ также отношеніе къ памяти А. С. Пушкина. Въ «Нов. Врем.» читаемъ:

«На Пасхѣ г-жа Артемиза (?), проживающая въ С.-Петербургѣ (?), устраиваетъ литературный вечеръ. Сборъ съ вечера долженъ поступить на сооруженіе памятника А. С. Пушкину».

Отъ души желаемъ г-жѣ Артемизѣ «хорошаго успѣха», какъ нынче пишутъ въ газетахъ, но нельзя не сознаться, что, повидимому, соавъздіе Пушкина, съ началомъ празднествъ, наполнится многими неискъстными спутниками.

* * *

Концертъ г-жи Майни Ернефельтъ. Финская пѣвица г-жа Ернефельтъ, давшая 6 апрѣля концертъ въ залѣ Кредитнаго Общества, была до настоящаго года совершенно неизвѣстна петербургской публикѣ. А между тѣмъ эта пѣвица представляетъ собою крупную артистическую величину. Начать съ того, что у нея рѣдкій по красотѣ тембра голосъ, всего болѣе напминающій голосъ г-жи Зембрихъ. При этомъ голосъ г-жи Ернефельтъ отличается замѣчательною свѣжестью и теплою звукомъ. Училась г-жа Ернефельтъ у знаменитой Маркеси, которая, конечно, можетъ гордиться такою ученицею. Манера пѣнія финской артистки чисто-итальянская; она, повидимому, усвоила всѣ тѣ приемы, которые требуются для такъ называемаго *bel canto*. Единственное, въ чемъ можно упрекнуть концертантку, это въ чрезмѣрномъ порою затягиваніи темповъ, но это недостатокъ несущественный, ибо легко устранимый.

Въ передачѣ всей программы, состоящей изъ произведеній Вагнера, Шуберта, Шумана, Грига, Годара, Тома, Брамса, Рубинштейна, Кюни и др. концертантка выказала тонкій художественный вкусъ, темпераментъ и замѣчательное изящество фразировки.

Надо замѣтить, что г-жа Ернефельтъ исполняла всю программу одна, чѣмъ, однако нисколько не утомила публику, которая неотступно требовала повтореній.

Публика состояла преимущественно изъ финновъ и шведовъ, и финскія народныя пѣсни, исполненныя г-жею Ернефельтъ во второмъ отдѣленіи, имѣли наибольшій успѣхъ.

Прекрасно аккомпанировалъ концертантку г. Армасть Ернефельтъ.

* * *

Концертъ г. Сливинскаго. Послѣ своего послѣдняго дебюта въ Петербургѣ, г. Сливинскій провелъ довольно продолжительное время за границею, концертируя въ различныхъ городахъ Европы, преимущественно въ Германіи. За тоцъ промежутокъ времени, что мы не слышали г. Сливинскаго, артистъ сдѣлалъ поразительные успѣхи, успѣхи не только въ техническомъ отношеніи, но, главнымъ образомъ, въ отношеніи художественномъ. Интересъ слушатели къ игрѣ г. Сливинскаго не ослабѣваетъ, сколько бы онъ ни игралъ, какихъ бы авторовъ ни исполнилъ. На каждое исполняемое имъ произведеніе этотъ пианистъ кладетъ печать своей индивидуальности и, если не всегда можно согласиться съ конценціею г. Сливинскаго, то, во всякомъ случаѣ, въ шаблонности передачи его упрекнуть никакъ нельзя.

Обращаясь къ качествамъ г. Сливинскаго какъ виртуоза, слѣдуетъ отмѣтить его великолѣпную технику, мягкое туше, силу удара, темпераментъ и разнообразіе звуковыхъ эффектовъ, извлекаемыхъ имъ изъ инструмента.

Полнаго одобренія заслуживаетъ г. Сливинскій и за программы своихъ концертовъ, свидѣтельствующи о тонкомъ вкусѣ концертанта. Такъ напр. въ программу перваго его концерта, происходившаго 1 апрѣля въ залѣ Кредитнаго Общества, вошли такіе шедевры музыкальной литературы, какъ токката и fuga Баха-Бауэна, вариация „The harmonious blacksmith“ Генделя, соната op. 28 Бетховена, фантазія op. 17 Шумана и рядъ мелкихъ пьесъ Шопена, Шуберта, Листа и Рубинштейна. Всѣ эти произведенія были сыграны съ тою виртуозною и музыкальною законченностью, какая дана только истиннымъ и крупнымъ артистамъ.

Къ сожалѣнію, публики въ концертѣ г. Сливинскаго было сравнительно немного.

* * *

Оперный концертъ. Въ пользу благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства данъ былъ 3 апрѣля рѣдкій по интересу концертъ въ Дворянскомъ Собраніи, состоявшій изъ отдѣльных актовъ трехъ различныхъ оперъ. Исполнены были: третье дѣйствіе изъ оперы «Принцесса Греза» Ю. И. Блейхмана, вторая картина перваго дѣйствія и второе дѣйствіе изъ оперы «Забава Путятишна» М. М. Иванова и прологъ изъ оперы «Антоній и Клеопатра» С. В. Юферова. Сочиненія всѣхъ трехъ названныхъ композиторовъ, изобилующія богатствомъ мелодическаго творчества, повидимому, очень понравились публикѣ, такъ какъ по окончаніи каждаго акта раздавались дружные аплодисменты и авторы должны были выходить на вызовы.

Успѣху композицій (отмѣтимъ среди нихъ прелестныя аріозо изъ оперы г. Блейхмана «Принцесса Греза») немало содѣйствовало и прекрасное исполненіе. Достаточно сказать, что солистами были такіе выдающіеся силы, какъ г-жи Болъ-

ска, Славина, Гладкая, Данильченко и гг. Морской, Смирновъ, Собиновъ, Ждановъ и Кедровъ и что оркестромъ, состоявшимъ изъ артистовъ русской оперы, а также хоромъ дирижировалъ такой знатокъ своего дѣла, какъ г. Гуго Варлихъ.

Публики собралось больше, чѣмъ было мѣстъ въ залѣ, такъ что многимъ пришлось прослушать концертъ стоя. Такимъ образомъ и матеріальный успѣхъ вечера оказался блестящимъ.

* * *

Духовный концертъ. Духовная опера А. Г. Рубинштейна «Христосъ» исполнена была впервые въ Бременѣ при полной обстановкѣ, т. е. съ костюмами и декорациями и при участіи лучшихъ нѣмецкихъ пѣвцовъ. Говорить, опера, при такой обстановкѣ, имѣла въ Бременѣ очень большой успѣхъ. Что же касается трехъ отрывковъ изъ «Христа» поставленныхъ у насъ 4 апрѣля, въ залѣ Дворянскаго Собранія, то успѣхъ ихъ отнюдь нельзя назвать выдающимся. Надо думать, что эти отрывки не изъ лучшихъ въ ораторіи, а затѣмъ слѣдуетъ признать во вниманіе, что концертная обстановка не можетъ производить такого дѣйствія, какъ обстановка оперная. Будь тѣ же самые отрывки исполнены на сценѣ съ дѣйствующими лицами въ костюмахъ,—мы увѣрены, впечатлѣніе получилось бы иное, во всякомъ случаѣ, несравненно сильнѣе. Исполнителями поставленныхъ отрывковъ были г-жи Лавровская, Жеребцова-Евреинова, Довернуа, Забѣлла, Довернуа и Кислякова и гг. Семиусъ и Люминъ. Всѣ эти артисты чрезвычайно добросовѣстно отнеслись къ своей задачѣ и, если, тѣмъ не менѣе, многіе изъ слушателей остались не вполне удовлетворенными, то, повторяемъ, едва ли въ томъ вина исполнителей.

Отрывкамъ изъ «Христа» предшествовало одно отдѣленіе, въ которомъ было исполнено нѣсколько небольшихъ духовныхъ пьесъ. Смѣшаннымъ хоромъ а capella были исполнены «Ave verum» Моцарта и «Crucifixus» Вильма, г-жи Жеребцова-Евреинова, Довернуа и еще какая-то пѣвица, не поименованная въ афишѣ, сѣли тріо ангеловъ изъ ораторіи А. Г. Рубинштейна «Потерянный рай», г-жи Забѣлла и Лавровская исполнили дуэты «Resonance» изъ реквиема Верди и «Crucifixus» Фора. Должна была еще пѣть г-жа Литвинъ, но она, какъ водится на благотворительныхъ концертахъ, «внезапно заболѣла» и не пріѣхала.

Оркестромъ и хоромъ дирижировалъ г. Гессельбартъ.

Сборъ съ концерта предназначался на устройство народнаго училища имени А. Г. Рубинштейна на мѣстѣ рожденія великаго русскаго пианиста и композитора въ с. Выхватинцѣ. Къ сожалѣнію, публики собралось не особенно много, такъ что училище едва ли на выручку съ концерта можно будетъ выстроить.

* * *

Полный сборъ, торжественность обстановки, безконечная программа—таковъ первый пушкинскій вечеръ, устроенный союзомъ писателей въ Маріинскомъ театрѣ 3 апрѣля. Рѣчь П. В. Вейнберга, чтеніе и пѣніе, живыя картины—все оставило пріятное впечатлѣніе.

* * *

Драматической цензурой разрѣшено, по ходатайству Театральнаго Общества, злободневное произведеніе «Народный поэтъ» (поэзія и жизнь Пушкина) въ 6 картинкахъ, хронологически связанныхъ между собою и составленныхъ на основаніи источниковъ артистомъ И. И. Судьбининымъ и П. А. Россіевымъ.

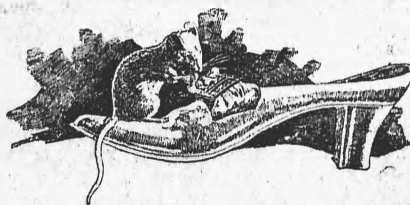
* * *

Милостивый государь

Г. Редакторъ.

Позвольте, черезъ посредство Вашей газеты, выразить отъ Совѣта Русскаго Театральнаго Общества искреннюю благодарность антрепренеру Иркутскаго театра, А. А. Кравченко, за присланные 253 руб., составляющие сборъ съ устроеннаго 22-го февраля с. г. спектакля въ пользу Русскаго Театральнаго Общества.

Предсѣдатель *Василій Кривенко.*
Секретарь *П. Ленскій.*

Искусство актера *).

А. Коклена.

Аля того, чтобы создать произведение искусства, живописецъ пользуется красками, полотномъ и кистями, скульпторъ — глиной, мраморомъ, рѣзцомъ, поэтъ — ритмомъ, размеромъ и римой. У каждого вида искусства — свой материалъ.

Материалъ актера — онъ самъ.

То, надъ чѣмъ онъ работаетъ, что подвергаетъ переработкѣ, чтобы создать свое произведение, — это его собственное лицо, его тѣло, его жизнь ¹⁾. Отсюда ясно, что актеръ долженъ раздваиваться. Въ немъ — два существа: одно — мастеръ, который работаетъ, другое — материалъ, надъ которымъ первый работаетъ. Первый рисуетъ въ своемъ воображеніи то лицо, которое предстоитъ создать, или, точнѣе, слѣдуя концепціи автора, видитъ этотъ образъ такимъ, какимъ его создалъ авторъ: Тартюфъ, Гамлетъ, Ромео. Второе „существо“ актера должно воплотить, реализовать этотъ образъ.

Въ такомъ раздвоеніи — характеристическая особенность актера.

Правда, подобное же раздвоеніе присуще и другимъ художникамъ. Альфонсъ Додэ находитъ его и въ душѣ новеллиста, и въ выраженіи, которыми я здѣсь пользуюсь, заимствованы мною у него. Онъ также говоритъ, что въ немъ — два человѣка; одинъ, какъ и всякій вообще, любитъ или ненавидитъ, наслаждается, — другой вѣщаетъ надъ всѣмъ этимъ и безстрастный, въ моменты самыхъ сильныхъ душевныхъ движеній, наблюдаетъ, изучаетъ, дѣлаетъ замѣтки, имѣя въ виду свои будущія созданія.

Но въ писателѣ это раздвоеніе не совѣтъ такое же, какъ въ актерѣ. Оно не проявляется во внѣ, оно не *эффективно*. Одно „я“ автора наблюдаетъ за другимъ, но не воздѣйствуетъ на него. Одно „я“ актера, напротивъ, дѣйствуетъ на другое, пока не преобразитъ его, пока не извлечетъ изъ него того образа, какой ему, этому первому, творящему „я“

*) Въ новомъ французскомъ журналѣ «*Révue Parisienne*» находимъ начало статьи Коклена объ искусствѣ актера. Кокленъ уже неоднократно пробовалъ систематизировать свои взгляды на сценическое искусство. Его брошюра «Искусство и актеръ» довольно известна публикѣ. Не все въ воззрѣніяхъ Коклена, по своимъ эстетическимъ основаніямъ примыкающаго къ школѣ нѣсколько устарѣлой, а въ сценической области присоединяющагося къ знаменитому «парадоксу Дидро», т. е. что актеръ не долженъ быть чувствителенъ, а долженъ лишь изображать чувства, — можетъ быть признано безспорнымъ. Если читатели припомнятъ, въ статьѣ проф. Бине, напечатанной въ нашемъ журналѣ, приводилось уже мнѣніе этого французскаго актера, какъ и многіе другіе отзывы. Тѣмъ не менѣе, попытка всякаго выдающагося актера теоретически установить основы сценическаго искусства несомнѣнно представляетъ интересъ, и мы будемъ знакомить нашихъ читателей со статьей Коклена, по мѣрѣ ея появленія во французскомъ журналѣ, сопровождая ее изрѣдка нашими примѣчаніями.

Прим. ред.

¹⁾ Логичность разсужденій Коклена нарушается неопредѣленностью его исходнаго пункта: «материалъ актера — онъ самъ». Если какъ можно думать по выраженію «его жизнь», Кокленъ понимаетъ подъ этимъ все то цѣлое, которое представляетъ личность актера, въ ея психологическихъ, умственныхъ и нервныхъ проявленіяхъ, то это есть признаніе вѣрности того субъективнаго характера сценическаго творчества, о которомъ мы писали въ нашихъ «Письмахъ о театрѣ» («Т. и И.», 1898 г.) и необходимости ввести въ границы понятія «перевоспложенія». Очевидно, что если «материаломъ» является личность актера, то кого бы онъ ни игралъ, его личность будетъ, выражаясь метафизически, «субстанціею» роли. Но Кокленъ, какъ представитель совершенно другого взгляда, несомнѣнно разумѣетъ иное подъ «материаломъ», — скорѣе черты чисто физическія. Въ дальнѣйшемъ, Кокленъ прямо на это указываетъ, объясняя причину возникновенія ампула.

грезится, — словомъ, пока актеръ не сдѣлаетъ изъ самого себя свое собственное произведеніе искусства.

Когда художнику надо написать портретъ, онъ заставляетъ позировать свою „натуру“, слегка набрасываетъ кистью всѣ черты сходства, какія можетъ уловить его изощренный глазъ, закрѣпляетъ ихъ на полотнѣ силою своего таланта — и произведеніе готово. Актеру предстоитъ сдѣлать еще кое-что: самому войти въ портретъ, потому что необходимо, чтобы этотъ портретъ говорилъ, дѣйствовалъ, чтобы онъ двигался въ своей рамѣ — на сценѣ, — чтобы онъ далъ зрителю иллюзію даннаго лица.

И потому, когда актеру предстоитъ написать портретъ, т. е. создать роль, онъ долженъ прежде всего, путемъ внимательнаго и неоднократнаго чтенія пьесы, проникнуться замыслами автора, оцѣнить жизненность и важность его героя, вызвать его передъ собою, наконецъ увидеть его такимъ, какимъ тотъ долженъ быть. И тогда у него есть „натура“.

Затѣмъ онъ, подобно художнику, улавливаетъ каждую черту въ этомъ образѣ и закрѣпляетъ ее только не на полотнѣ, а на самомъ себѣ. Онъ приспособляетъ свое второе „я“ къ каждому элементу этой личности. Онъ видитъ на Тартюфѣ его костюмъ — и надѣваетъ его на себя, видитъ его походку — и копируетъ ее, видитъ его лицо — беретъ его себѣ. Онъ подчиняетъ этому образу свое собственное лицо, фигуру, онъ, такъ сказать, перекраиваетъ и перешиваетъ свою кожу, пока критикъ, который живетъ въ его первомъ „я“, не почувствуетъ себя удовлетвореннымъ и не признаетъ, что сходство съ Тартюфомъ, дѣйствительно, достигнуто. Но это еще не все, потому что пока сходство — лишь поверхностное съ внѣшностью даннаго лица, но не съ самими этимъ лицомъ. Необходимо еще, чтобы онъ заставилъ своего Тартюфа говорить тѣмъ голосомъ, какой слышится у Тартюфа, и чтобы, для завершенія роли, онъ заставилъ его двигаться, ходить, жестикулировать, слушать, думать такъ, какъ это дѣлаетъ Тартюфъ и съ тою душою, какою онъ чувствуетъ Тартюфъ.

Тогда только портретъ готовъ. Вы можете вставить его въ раму, то бишь! — вынести его на сцену и публика не скажетъ: „А! вотъ Жоффруа!“ „вотъ Брессанъ“, она скажетъ: „А! вотъ Тартюфъ!“... Или вы работали плохо.

И такъ, внутреннее и глубокое изученіе характера; затѣмъ, созданіе въ воображеніи однимъ „я“ и воплощеніе другимъ „я“ известнаго образа, какъ онъ вытекаетъ изъ характера вотъ работа актера.

Подобно Мольеру, онъ беретъ свое добро всюду, гдѣ его находитъ, т. е., чтобы дополнить сходство онъ можетъ прибавить къ своему портрету всѣ тѣ характерныя черточки, какія подмѣтилъ въ жизни. Такъ, Гарпагонъ былъ составленъ изъ тысячи скупцовъ, собранныхъ во едино въ формѣ высшей цѣлокупности.

II.

Два существа, живущія рядомъ въ актерѣ, неразлучны и нераздѣльны. Но одно изъ нихъ, то, которое видитъ, должно господствовать. Одно — душа, другое — тѣло. Оно — разумъ, тотъ Разумъ, который китайцы зовутъ „Вышнимъ управителемъ“, другое существо для него то же, что риема для разума — это рабъ, обязанный повиноваться, и только ²⁾.

²⁾ Характерно, что въ анализѣ элементовъ творчества Кокленъ совершенно не говоритъ о художественномъ талантѣ, въ томъ значеніи, какое мы ему приписываемъ. Кто знаетъ сценическую фигуру Коклена — актера сухого оттѣнка, едва ли

НАШИ ОПЕРНЫЕ АРТИСТЫ.

Г. Секарь Рожанскій.

Чѣмъ это господство сильнѣе, тѣмъ въ большей мѣрѣ актеръ — артистъ. Идеаломъ было бы, чтобъ это второе существо, это бѣдное тѣло, было лишь простою мягкою массою, безконечно податливою, принимающею, сообразно съ ролю, любой внѣшней видъ, которая бы для Ромео превращалась въ обворожительнаго юношу, для Ричарда III — въ ужаснаго горбуна, оболѣстительнаго силою ума, для Фигаро — въ пронзительнаго лакея, съ дерзкимъ лицомъ, смѣлаго, во всемъ увѣреннаго и т. д. Тогда актеръ былъ бы универсальнымъ, и еслибъ даже у него не хватало таланта для всѣхъ амплуа, онъ бы дѣлалъ все, что хотѣлъ. Но увы!.. Онъ былъ бы слишкомъ счастливъ. Природа противится этому.

Какъ бы гибко ни было тѣло, какою подвижностью ни отличалось бы лицо, — ни то, ни другое не поддаются всѣмъ фантазіямъ артиста. Иногда устрои-

блещущаго наитіемъ или способнаго очаровать непринужденностью оттѣнковъ или поэзіею красокъ, — для того вполне понятна эта упрощенная формула творчества: разумъ, созидаящій концепцію роли, — физическое существо, выполняющее его предначертанія. Но такъ одинаково можно и мостъ строить, и играть Тартюфа. Сущность не въ томъ, что разумъ планируетъ роль, а ноги, руки, уста и пр. это приводятъ въ исполненіе, а въ томъ, что художественныя средства, составляющія секретъ прекраснаго и эстетическаго, для этого пригодны. «Душа надобна», какъ говорится во «Власти Тьмы». Это — та душа, которая изъ контрапунктическихъ теорій и роая — создаетъ плѣнительную музыку; которая изъ законовъ просодіи, бумаги и чернилъ, создаетъ поэму. Объ этомъ Кокленъ совершенно умалчиваетъ.

ство тѣла и лица препятствуютъ актеру братья за извѣстныя роли, хотя онъ вполне способенъ понять ихъ и научить, какъ ихъ играть.

Эти особенности съ неизбежностью распределяютъ актеровъ по извѣстнымъ амплуа. Наконецъ есть актеры, въ которыхъ бунтуетъ второе „я“ или, точнѣе, его человѣческое „я“, его личная индивидуальность такъ властна въ немъ, что онъ не можетъ ничего съ ними подѣлать, и вмѣсто того, чтобы подчиниться роли, добиваться сходства съ образомъ, онъ, наоборотъ, подчиняетъ роль себѣ и образу навязываетъ сходство съ собою.

Первая невыгодная сторона такой системы — въ томъ, что тутъ актеръ всегда одинъ и тотъ же, во всѣхъ роляхъ. Такъ, великолѣпнѣйшій Феликсъ всегда создавалъ только Феликсовъ; такъ, до извѣстной степени, Мунэ-Сюлли „мультиплицируетъ“ по своему образцу всѣ исполняемые имъ персонажи. Отсюда его безспорное превосходство въ „Гамлетѣ“³⁾. Онъ самъ — Гамлетъ. Ему самому, въ его реальной жизни, присуща эта глубокая меланхолія, прерываемая рѣзкими вспышками, эта макабрская проницаемость, умѣряемая внезапнымъ наплывомъ пѣжныхъ чувствъ. Онъ самъ отдается безраздѣльно во власть грезамъ... И потому, чѣмъ больше онъ Мунэ въ Гамлетѣ, тѣмъ онъ лучше. Не даромъ исполненіе этой роли было вѣнцомъ его карьеры, въ которой, впрочемъ, и вообще не было недостатка въ триумфахъ.

Но вотъ обратная сторона. Позвольте мнѣ, для ясности моей мысли, привести одинъ лишь фактъ.

Мунэ репетировалъ „Гораціемъ“, и былъ въ этотъ день дежурнымъ. Послѣ знаменитой сцены 2-го акта я отвелъ артиста въ сторону.

— Дорогой Мунэ, это не урокъ, не совѣтъ. Ваша концепція роли вамъ принадлежитъ, вы будете его отстаивать передъ публикою, и, я увѣренъ, она будетъ рукоплескать вамъ. Но одно замѣчаніе. Не кажется ли вамъ, что, заливая словами, какъ вы это дѣлаете, знаменитый стихъ:

„Вы Альбою назначены, и я не знаю больше васъ“... — вы разрушаете контрастъ между Гораціемъ и Куріаціемъ, и вслѣдствіе этого всю эту сцену, которая построена на этомъ контрастѣ?

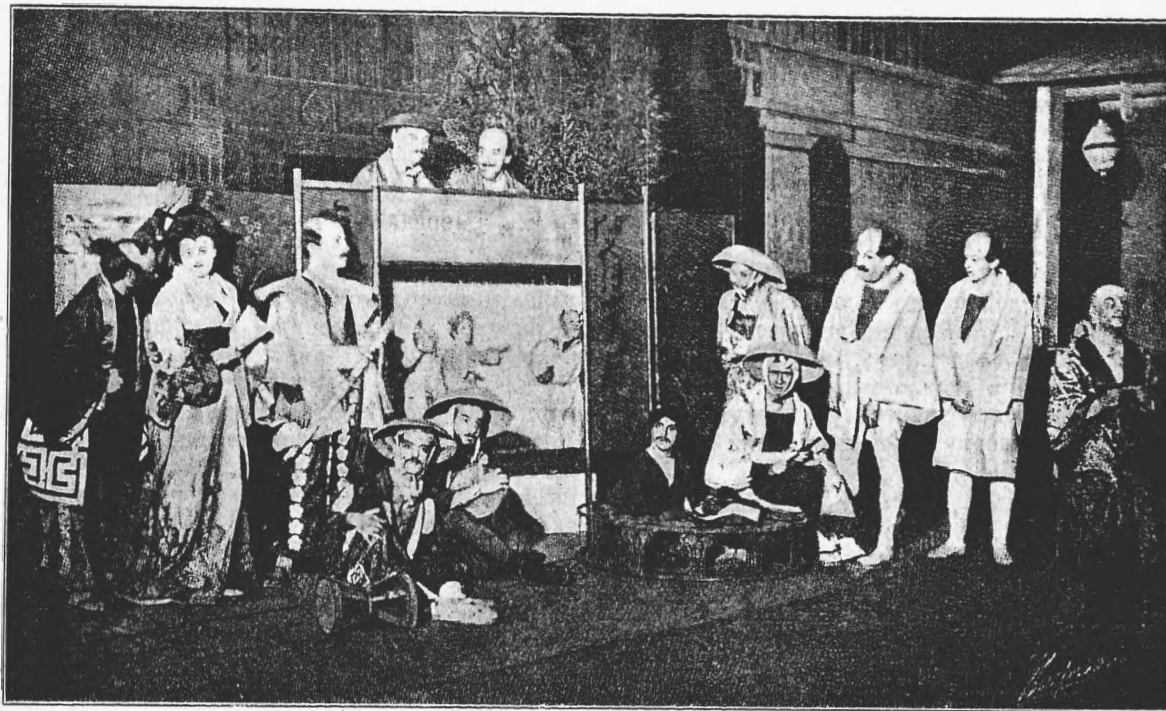
— Вы правы, откровенно отвѣтилъ мнѣ Мунэ, — но что-жъ дѣлать! По-моему, Корнель не придавалъ въ достаточной мѣрѣ человѣчности этому герою.

Вы видите здѣсь во всей полнотѣ, какъ „я“ актера становится на мѣсто роли. Никто не понимаетъ этого лучше, чѣмъ Мунэ, который и самъ — поэтъ. Онъ великолѣпно видитъ, чего хотѣлъ Корнель. Но его слишкомъ гуманная натура отказывается отъ такого изображенія, и она приводитъ его къ тому, чтобы „исправить“ роль въ соответствии съ его природою!

Другимъ слѣдствіемъ такой теоріи является то, что она естественно приводитъ къ небрежному изученію внутренняго смысла ролей, на мой взглядъ — наиболѣе важному, и на его мѣсто становится изу-

³⁾ Точка зрѣнія, которую, кромѣ французовъ, никто не раздѣляетъ. Мунэ-Сюлли наименѣе субъективный изъ трагиковъ, — гораздо менѣе, нежели Росси, Сальвини и др. Если этого еще мало Коклену, — тогда, право, можно подумать, что только актеры, лишенные темперамента и души, могутъ ему нравиться. Что же до исполненія Мунэ-Сюлли роли Гамлета, то по общему отзыву, это самая неудачная его роль. Это — единственная роль Мунэ-Сюлли, въ которой совершенно нѣтъ стиля, и самый Гамлетъ представляетъ нѣчто вроде энцефалитика.

„ИРИСЪ“. Новая опера Масканьи.
(Театръ «La Scala» въ Миланѣ).

ПЕРВЫЙ АКТЪ. Сцена маріонетокъ.

Ирисъ (Дарклэ).

Гейша.

ченіе внѣшнихъ свойствъ роли и ея живописныхъ подробностей.

Не слѣдуетъ, само собою разумѣется, презрительно отбрасывать и этотъ элементъ живописности; но не должно также удѣлять ему исключительное вниманіе; въ особенности же, не слѣдуетъ брать точною отправленія, при композиціи роли, ту или иную внѣшнюю черту, хотя бы и вѣрную. Все должно исходить изъ общаго характера персонажа.

Усвойте общій смыслъ изображаемаго вами лица,— и вы естественнымъ путемъ выведете отсюда и его

внѣшность. Живописная сторона, если она есть, сама собой найдетъ себѣ мѣсто. Душа создаетъ тѣло.

Если Мефистофель безобразенъ, то потому, что душа его чудовища. Я видѣлъ, какъ его превосходно игралъ въ Вѣнѣ Левинскій, который изображаетъ его горбатымъ и хромымъ; это вполне подходитъ къ образу. Но совмѣстимо ли съ характеромъ Мефистофеля не дѣлать ни одного жеста, который бы не былъ живописенъ, и при каждомъ стихѣ становиться въ позу, точно передъ фотографі-

ческимъ аппаратомъ? Долженъ ли манекенъ брать верхъ надъ актеромъ?

Природа не такъ живописна, и такимъ путемъ можно только очень легко перейти къ карриатурѣ и впасть въ условность.

Даже съ точки зрѣнія непосредственнаго успѣха тутъ—ошибка. Ничто не улетучивается такъ быстро, какъ впечатлѣніе, произведенное лишь виѣшною живописностью. Сейчасъ же послѣ выхода, публика больше уже не думаетъ о ней, и эффектъ падаетъ, если онъ не поддерживается дикцію, яркостью характеристики, словомъ—стилемъ игры.

Скажу больше, если путемъ изысканной виѣшной характеристики вы дойдете до воспроизведенія *типа*, о, тогда берегитесь! Это можетъ привести къ совершенно обратнымъ послѣдствіямъ, и публика, которая въ первый разъ посмѣется, очень скоро при повтореніи все того же типа начнетъ раздражаться и выразитъ свое раздраженіе непріятнымъ для актеровъ образомъ.

Круча.

(повѣсть).

(Продолженіе *).

III.

Удивительно радостный былъ этотъ вечеръ, со-
всѣмъ по-дѣтски какъ-то. Войдя въ свою
комнату, Луганинъ засталъ всѣхъ въ сборѣ—
Ольгу, Воротилова и Мишу. Ему почему-то
вдругъ захотѣлось сошкочничать и онъ во-
шелъ медленно, не глядя на нихъ, не торопливо
стаскивая свое пальто?

— Получилъ? сразу же окрикнулъ его Вороти-
ловъ.

Видно было, что они только что говорили о
деньгахъ, и Воротиловъ успѣлъ уже посвятить въ
свой планъ Ольгу — она сидѣла взволнованная, съ
разгорѣвшимся лицомъ.

— Получилъ? нетерпѣливо повторилъ Воротиловъ
и даже съ мѣста сошелъ,—чего молчишь? Сколько?

— Ничего не получилъ, отвѣтилъ Луганинъ и
сталъ вѣшать пальто.

— Когда-жъ?.. Да нѣтъ, врешь, не можетъ быть!..
Ну, погляди-ка...

Луганинъ искоса взглянулъ на пріятеля и не вы-
держалъ — улыбнулся. Тотъ тоже улыбнулся, но
сейчасъ же озлился.

— Чего шута-то валять? Я, братъ, не шутки
шутить, а въ серьезъ говорить желаю. Вотъ, съ
Ольгой Петровной говорилъ, всѣ резоны изложилъ...
Ну, и люди!.. Сколько въ васъ пороку этого самаго—
страсть... Да ты чего стоишь-то? Показывай—сотняга,
а? можетъ больше?

— Считай. Луганинъ протянулъ пачку.

Тотъ взялъ, развелъ ее пальцами и долго, сверхъ
очковъ, глядѣлъ близорукими глазами то на прія-
теля, то на деньги.

— Твой? всѣ твой?

— Мои...

Воротиловъ подлетѣлъ къ нему и, коротенькій,
на цѣлую голову ниже Луганина, нагнулъ того къ
себѣ и неистово разцѣловался.

— Ольга Петровна, обернувшись онъ къ дѣвушкамъ,
отвѣщая ей глубокой, удивительно неуклюжей по-
клонъ,—азъ есмь шаферъ. Фракъ, букетъ и карета—
все-съ самое наилучшее, magnifique!.. и онъ совалъ
ей въ руки деньги, сіяющей, весь расплывшійся въ
одну улыбку,—пятьсотъ, пятьсотъ рубликовъ, боже-
ственна!.. Полнѣйшій антуражъ, такъ сказать, и
даже съ излишкомъ... Классикъ, вьюношъ, убѣлен-
ный премудростію! Встань, и жми руку великаго
человѣка. Да-съ, именно — великаго человѣка; твой
братъ—великій человѣкъ, homo magnus! Пятьсотъ!
Пятьсотъ, когда я, понимаешь —я и при содѣйствіи
наипревосходительнѣйшей дамы болѣе, какъ на три
таковыхъ билета, разсчитывать не могъ!.. Vivat,
живо, hoch, hip-hip-houura!..

Его едва уняли, но вполне успокоился онъ только
тогда, когда было послано за бутылкой коньяку,
лимономъ и устроены пуншъ—любимѣйшій напитокъ
Воротилова.

Съ клочкомъ бумаги на столѣ и карандашемъ въ
руку, онъ лихорадочно составлялъ „смету имѣющаго
быть торжества“ и прихлебывалъ изъ стакана.

— Позвольте... Туалета покупать не будемъ-съ.
Возьмемъ столикъ этакій, самый, съ позволенія ска-
зать, деревянный съ кисейкой. И ежели при этомъ
бантики розовенькіе, уголки завитушечками, а сверху
этакое что-нибудь вышитое, то—восторгъ и иѣсно-
нѣніе... Вудуаръ на рынкѣ-съ. Приобрѣтая графскую
экипировку, княжескій будуаръ видалъ. Все какъ
есть — драпировочка наипрелестнѣйшаго ситца съ
художественными букетами по идеальному полю,
диванчикъ и шесть аппаратовъ для полусидѣнія —
сорокъ спрашиваютъ, за двадцать два отгадуть...
Ну-съ, все — на всѣ три комнаты обстановка, въ
томъ числѣ хозяйственное обзаведеніе и торжество
брокоссчетація—триста шестидесятъ восемь рублей.
Будемъ говорить триста семьдесятъ, даже четыре-
ста. Gut! Итого двѣсти рублей капитала свободнаго,
на diamanten und perlen—was wilt du noch mehr?..
А? Нѣтъ, ты скажи мнѣ—was wilt du noch mehr?..

Подъ конецъ, выпивъ безчисленное количество
стакановъ, онъ совсѣмъ расчувствовался. Усадилъ
Луганина и Ольгу рядомъ, а самъ помѣстился на
протѣвъ. Долго смотрѣлъ на нихъ и прослезился.

— Костя! другъ... Ольга Петровна, красавица вы
моя!.. Оба вы красавцы, да... Типы, великолѣпные
типы, экземпляры!.. Знаете, Ольга Петровна, голу-
бушка, вѣдь я, понимаю—я, квазимато и человѣкъ
армейской мѣрки, влюбленъ въ васъ, ей Богу! Давно
и пылко... Но не извольте тревожиться, окромя васъ,
я и въ него, въ Костю, влюбленъ, и въ него, въ
юношу классическаго тоже... Нѣтъ, счастья - то,
счастья-то у васъ сколько — черезъ край бѣтъ, въ
глазахъ, на губахъ сверкаетъ, въ ямочкахъ на ще-
кахъ у васъ, Ольга Петровна, есть этакія ямочки...
ну вотъ въ нихъ такъ и прячется, такъ и прячется... А
почему? Потому что любите. А любите почему? Потому
что молоды и красивы... Да-съ, а я фizioноміей не
вышелъ, ни фizioноміей, ни фигурой, понимаю это
прекрасно-съ... Воротиловъ—математики кандидатъ,
Воротиловъ—умница, Воротиловъ на такіе пустяки
вниманія не обращаетъ... Анъ нѣтъ-съ,—обращаетъ
и даже очень-съ! У меня вонъ у генеральши этой
самой выѣздной лакей красавецъ и завидую я ему—
видѣть не могу. Онъ глупъ-съ, математики не знаетъ,
но красивъ, а я мозглять-съ. Его полюбятъ, а меня
нѣтъ—потому у него все, всѣ данныя, а у меня

*) См. № 13 и 14.

одна математика... Классикъ! Учись, долби и древнее и новое, что дадутъ, но будь красивъ... Ибо я некрасивъ и страдаю... А впрочемъ—gaudeamus igitur, juvenes dum sumus...

Но тутъ его уже унялъ Луганинъ. Было поздно—больше двѣнадцати и Воротиловъ заторопился къ „генеральшѣ“.

— Швейцаръ, братъ, недоволенъ будетъ... Онъ, братъ, маэстозенъ и малоподвиженъ, вообще — персона...

Онъ ушелъ, Миша улегся спать, а Луганинъ прошелъ въ комнату Ольги и до разсвѣта толковали они о своей будущей жизни, строили планы, обсуждали обѣщаніе Чемирязева. Къ удивленію Луганина, Ольга совсѣмъ не шутливо отнеслась къ его разсказу о встрѣчѣ въ паркѣ.

— Спрашивалъ твой адресъ? До дому доведешь?

— Ну, да... Что тутъ такого? Просто думалъ, вѣроятно, что я или пьянъ, или боленъ, не въ себѣ... взялъ и доведешь... Представь, Оля, паркъ, мѣсто все-таки проѣзжее и вдругъ горланить. Главное — въ шляпѣ, портфель подъ мышкой. И глупую, знаешь, какую-то пѣсню... Совсѣмъ, какъ глухарь токовалъ, кажется—даже глаза жмурилъ...

— А себя онъ называлъ?

— Нѣтъ, а впрочемъ... Ей-Богу, не помню. Въ такомъ я настроеніи былъ... Говоритъ онъ что-то, а я о васъ думаю, какъ вы все обрадуетесь... Да что онъ тебя такъ интересуется, этотъ господинъ на резинкѣ? Довезъ и слава Богу...

— Костя, ты помнишь, что Ада говорила?

— Глупости говорила...

— Нѣтъ, не глупости. Ада не звѣзда, но пѣвица со школой, музыкантша хорошая. Напрасно говорить того, что она говорила, никто не станетъ... Я долго думала тогда, если хочешь—тоже не вѣрила, но теперь...

— Теперь вѣришь? Господинъ изъ парка убѣдилъ?

— Ты напрасно смѣешься... Почему ты знаешь—можетъ быть это пѣвецъ былъ. Услыхалъ и заинтересовался... Во всякомъ случаѣ, у меня предчувствіе какое-то есть, что это такъ не кончится, вотъ увидишь...

— Ничего я, милая, не увижу. Знаю, что кончилось наше мытарство и заживемъ мы съ тобою, какъ Воротиловъ говорить — на славу. На службѣ; Богъ дастъ, улыбнется, а покамѣстъ...

— А покамѣстъ—спать надо, улыбнулась Ольга, — смотри — утро на дворѣ. Прощай!..

Но долго не могъ заснуть Луганинъ.

А. Дѣяновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Жанъ Расинъ. 9-го апрѣля минуло двѣсти лѣтъ со дня смерти Жана Расина, одного изъ самыхъ выдающихся представителей и, можно сказать, творцовъ французской такъ называемой классической трагедіи. Имя Расина рядомъ съ именемъ его гениальнаго старшаго современника Корнеля отмѣчаетъ собою весьма важный періодъ въ исторіи европейской драматической литературы, — періодъ, въ продолженіе котораго новый классицизмъ достигъ самаго высшаго и блестящаго развитія; влияние этой эпохи живо чувствуется повсюду въ Европѣ не только въ продолженіе прошлаго вѣка, но отчасти даже и до сихъ поръ; во Франціи же, гдѣ, не смотря на множество смѣнившихся одна другую литературныхъ школъ и партий, авторитетъ старика Буало все-таки не утратилъ

своей силы, изученіе классическаго періода въ послѣднее время особенно оживилось благодаря изслѣдованіямъ Брюнетьера, подмѣтившаго любопытныя точки соприкосновенія старой и новой эпохи. Поэтому можно сказать, что теперь французы относятся къ памяти Расина съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ, чѣмъ прежде.

Многія трагедіи Расина переведены на русскій языкъ какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи; многія изъ нихъ ставились и на нашей сценѣ во времена господства у насъ классическаго репертуара, особенно—въ первой четверти текущаго вѣка, когда гастроли м-мъ Марсъ и м-мъ Жоржъ и дебюты ихъ талантливыхъ подражательницъ Семеновы и Колосовой оживили интересъ нашей литературной публики къ «Федрѣ», «Ифигеніи» и т. п. расиновскимъ героинямъ. Въ наши дни изъ Расина переводили: Л. Поливановъ («Гооолія», 1892) и О. Чюмина («Эсфирь», въ журналѣ «Восходъ» 1898).

Расинъ родился 9 декабря 1639 года въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ Ферте-Милонѣ. Оставшись круглымъ сиротой четырехъ лѣтъ отъ роду, онъ перешелъ на попеченіе своей бабушки Маріи Демулентъ, усердной послѣдовательницы ученія янсенистовъ, она старалась насадить эти воззрѣнія и въ душѣ впечатлительнаго мальчика, чтобы потомъ сдѣлать изъ него духовное лицо. Удалившись въ монастырь, она помѣстила маленькаго Расина въ школу Дегранжа. Учителями его были: Лансело, Николь, Гамонъ, Антуанъ Леметръ. Подъ ихъ руководствомъ онъ приобрѣлъ такіе познанія въ древнихъ языкахъ и литературѣ, что свободно читалъ въ подлинникъ Софокла, Еврипида, Виргилія, Гомера и Пиндара. Тамъ же ему попался въ руки романъ Геліодора «Теагенъ и Хариклея», который имѣлъ сильное вліяніе на развитіе его литературнаго вкуса. Ему особенно нравилось, что въ этомъ произведеніи, классическомъ по формѣ и языку, главную тему составляетъ не героизмъ, а любовь. Стремленіе соединить сентиментальную любовь съ классической формой есть задача всей его литературной дѣятельности.

Въ ноябрѣ 1667 года была поставлена «Андромаха», своимъ успѣхомъ напомнившая первое представленіе «Сиды». Расинъ вступилъ въ состязаніе съ Корнелемъ, и французская интеллигенція раздѣлилась на два лагеря: старое поколѣніе стояло за Корнеля, молодежь и дворъ—за Расина.

Его похоронили, по его просьбѣ въ Поръ-Рояль, гдѣ протекло его дѣтство; послѣ разрушенія аббатства въ 1709 году останки поэта перевезены въ Парижъ и погребены въ церкви—Etienne du Mont.

Ю. М.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

КАЗАНЬ. Въ текущемъ году нашъ городской театръ, по ходатайству «Русскаго Театральнаго Общества» получилъ разрѣшеніе играть и Великимъ постомъ. Разрѣшеніе это нѣсколько запоздало, такъ что многія выдающіяся силы нашего театра, не зная послѣдуетъ ли оно, рѣшили уѣхать изъ Казани, кто въ Москву, кто въ свои «палестины», на родину. М. М. Бородаю пришлось составить на постъ труппу, такъ сказать, «изъ осколковъ» его большой труппы, что играла у насъ съ конца ноября по мартъ, и пригласить, для пополненія ея, артистовъ изъ другихъ театровъ.—Такъ при самомъ началѣ дѣла вошли въ составъ нашей труппы артисты симбирскаго театра г. Абловъ и г-жа Писарева и артистка вятскаго театра г-жа Миличъ. Кромѣ того г. Бородай пригласилъ «на гастроли» — на 2 и 3 недѣли поста г. Петипа, а на 5 и 6-г. Шувалова, талантливыхъ артистовъ. Теперь гастроли М. М. Петипа закончились, и онъ уѣхалъ на гастроли же, кажется, въ Полтаву, затѣмъ въ Харьковъ.

Репертуаръ былъ слѣдующій: «Лѣсъ» и «Не бывавъ бы частью, да несчастье помогло», «Гувернеръ» и «Лекарь по неволѣ», «Ревизоръ», «Любовь и Предразсудокъ» и «На законномъ основаніи», «Донъ-Жуанъ» и «Дачный женихъ», «Полусвѣтъ» и «Двѣ гончія по одному слѣду», «Трильби» и «Вспышка у домашняго очага», «Гувернеръ» и «Которая изъ двухъ?» (бенсфисъ Петипа), «Послѣдній гость» и «Маменькинъ сыночекъ», «Испанскій дворянинъ» и «Ночное», «Друзья-пріятель» и «Женская чепуха» (въ пользу Русскаго Театральнаго Общества и 21 утромъ: «Ревизоръ», а вечеромъ «На родинѣ» и «Троглодитъ».

Разумѣется главнѣйшій интересъ спектаклей сосредоточивался на участіи въ нихъ г. Петипа.

Дебютировалъ г. Петипа въ Казани, на этотъ разъ, ролью Хлестакова въ «Ревизорѣ».

Роль «простаивающаго» Ивана Александровича Хлестакова нашъ талантливый гость считаетъ одною изъ лучшихъ своихъ ролей. Мѣстами онъ, впрочемъ, переигрывалъ, прибѣгалъ къ жестамъ, если не иллюстрирующимъ, до известной степени, положеніе изображаемаго имъ лица, но только до известной степени, напримѣръ при замѣчаніи городничаго, что въ номерѣ гостиницы, занимаемомъ Хлестаковымъ «темно», г. Петипа ударяетъ себя по лбу—говорить, что тутъ «точно темно!..» Разумѣется, этотъ жестъ вызываетъ смѣхъ, но... по все же этотъ пріемъ грубоватый.

Вторую коронную роль своею г. Петипа считаетъ роль «Донъ-Жуана», въ комедіи Мольера. Г. Петипа, по слухамъ, работаетъ теперь надъ Донъ-Жуаномъ гр. А. К. Толстого и надѣется, что эта пьеса будетъ разрѣшена къ постановкѣ.

Къ числу серьезныхъ, требующихъ большой сценической работы, относится роль «Свенгали», въ пьесѣ г. Г. Ге—«Трильби». Въ этой роли выступали предъ казанской публикой гг. Недѣлинъ и Рюминъ. Справедливость заставляетъ насъ сказать, что они были лучшими, чѣмъ г. Петипа, исполнителями Свенгали.

Живо, весело, съ увлеченіемъ игралъ г. Петипа Донъ-Сезара-де-Базана—«Испанскій дворянинъ» одна изъ не многихъ мелодрамъ, удержавшихся въ русскомъ репертуарѣ, именно потому, что артисту, играющему роль благороднаго, отчаяннаго Донъ-Сезара—она даетъ много эффектныхъ положеній и ими мастерски пользуется г. Петипа.

Наконецъ, по общимъ отзывамъ, г. Петипа былъ превосходнымъ Шварцемъ. Это насъ глубоко радуетъ за почтеннаго артиста, такъ какъ показываетъ, что и въ роляхъ еще «не своего амплуа»—г. Петипа играетъ главнымъ образомъ «молодые» роли,—онъ «хозяинъ сцены...»

Изъ «серьезныхъ» ролей Петипа остается поговорить о роли «Неизвѣстнаго» въ пьесѣ Дельера «Послѣдній гость». Исполнитель этой роли въ С.-Петербургѣ г. Далматовъ—судя по гриму, что помѣщенъ въ № 41 «Театръ и Искусство» за 1898 г., не вполне олицетворилъ «Послѣдняго гостя». По идеѣ пьесы—это какъ бы «двойникъ» графа, это—смерть его, пришедшая за нимъ, но смерть такого чуднаго человѣка, коимъ рисуется графъ въ пьесѣ—не должна быть «страшна». Этотъ образъ долженъ быть мягкимъ, симпатичнымъ, изящнымъ, добрымъ, и графъ долженъ умереть съ доброй, свѣтлой улыбкой на лицѣ—смертью праведника, которому предъ кончиною является «свѣтлый духъ», а не «страшный», отталкивающій.

Далъ ли намъ что-либо подобное тому, какъ мы понимаемъ образъ Неизвѣстнаго, г. Петипа? Только отчасти. Онъ былъ очень изященъ, съ манерами безупречнаго свѣтскаго человѣка—но доброты, ласки не выражало его лицо. Оскала зубовъ—что такъ страшенъ въ гримѣ В. П. Далматова, не было, но не было и мягкости, нѣжности въ его холодномъ, почти неподвижномъ лицѣ.

Переходя къ прочимъ исполнителямъ, мы остановимся, прежде всего, на новыхъ для Казани артистахъ гг. Жакъ, Миличъ и Писарево и г-нѣ Абловѣ.

Г-жа Миличъ, артистка молодая и думается намъ, еще не вполне выработавшаяся; игра ея всегда прилична, но въ исполненіи мало чувства.

Г-жа Писарева... Право, затрудняемся опредѣлить ея игру.

Г. Абловъ... Странное дѣло: говорятъ, это, сравнительно молодой артистъ, что ему нѣтъ и 40 лѣтъ, а между тѣмъ на сценѣ—это прямо старикъ, какую бы роль онъ ни взялъ!.. Такъ, самую лучшею ролью его была роль «Томаса Беготъ» въ «Трильби...» Здѣсь одно только словечко: «Однако!..», которое часто повторялъ онъ, во время разсказа Тафи о Трильби,—вѣрно запомнится всѣмъ, его слышавшимъ... Въ общемъ—это актеръ полезный, но не болѣе.

Великопостные спектакли дали возможность выдвинуться на первый планъ нѣкоторымъ нашимъ артистамъ, что во время зимняго, не великопостнаго сезона, занимали вторыя роли, напр. гг. Качаловъ и Громовъ.

Г. Качаловъ съ успѣхомъ выступилъ 7 марта въ роли Неисправившаго въ «Лѣсѣ»—роли крайне трудной и отвѣтственной. Насъ въ этой роли онъ не удовлетворилъ—онъ еще молодъ и «жидокъ» для нея. Это не уставшій «отъ походовъ» и «голодовки» «лѣшій артистъ», а только «стараяшійся» изображать таковаго. Г. Громовъ теперь «исправляетъ должность» первыхъ любовниковъ, но неудачно. Впрочемъ, артистъ этотъ молодой и, быть можетъ, еще выработается.

Кто особенно выдвинулся и показалъ намъ себя—это г-жа Иртенъева. Желательно было бы, чтобы молодая артистка обратила вниманіе на нѣкоторое однообразіе въ жестамъ,—напр. она часто размахиваетъ руками или, правильнѣе,—раскидываетъ ихъ при уходахъ со сцены; часто поднимаетъ руки къ лицу, рассматривая свои ноготки, далѣе ей необходимо заняться и мимикой лица, теперь она напр. улыбается даже тамъ, гдѣ

«милая гостья лица», улыбка, не соответствующая данному положенію изображаемаго ею лица.

Остается сказать «нѣсколько прощальныхъ словъ» нашему комику М. М. Нежданову. служившему здѣсь 5 сезонъ. Теперь онъ вышелъ изъ состава нашей труппы.

Г. Неждановъ—комикъ по натурѣ, но къ сожалѣнію, видимо, не всегда работаетъ надъ ролями. Очень мѣтко охарактеризовалъ его куплетистъ-фельетонистъ одной изъ казанскихъ газетъ «Казанскій Телеграфъ»:

«Какъ играетъ, что играть—

Знать никто не хочетъ...

Дверь Неждановъ отворяетъ—

Публика хохочетъ!..

Изъ «оскорбковъ» нашей труппы, что играютъ теперь, мы находимъ себя обязанными отмѣтить, что наши «старички»—г-жа Семенова (комическая старуха) и г. Соловьевъ (играющій всякія и возможные и невозможныя для него роли стариковъ) выдвинули потомъ нѣкоторыя роли; такъ г-жа Семенова была прекрасной Перепестуей въ «Губернерѣ» и Улитой, въ «Лѣсѣ» хотя, и не безъ нѣкоторой паржировки, а г. Соловьевъ прекрасно сыгралъ роль городничаго въ «Ревизорѣ».

Съ 28-го марта начались гастролы И. М. Шувалова.

Концертный сезонъ начался очень не удачно концертомъ пианиста Гартмута, въ субботу, 13 марта. Можетъ быть, здѣсь «чортюна дюжина» виновата, только г. Гартмутъ игралъ при пустомъ театрѣ!.. Съ солиднымъ артистическимъ, но съ небольшимъ матеріальнымъ успѣхомъ, далъ здѣсь два концерта знаменитый солистъ—скрипачъ Францъ Ондричекъ, при участіи пианиста Вебера. Успѣхъ онъ имѣлъ огромный—дѣйствительно г. Ондричекъ превосходный виртуозъ на скрипкѣ. Его чудный инструментъ работы Гварнери, ноль его могучимъ, «безконечнымъ», если можно такъ выразиться, смычкомъ выражалъ много огня, чувства, радости и веселья.

Казанецъ.

НІЕВЪ. Съ пріѣздомъ г. Тартакова, стараго любимца киевлянъ, сборы харьковской оперы значительно понизились. Намъ много разъ приходилось слушать этого превосходнаго артиста по дни его полнаго расцвѣта, когда его слава была такъ же велика, какъ и его талантъ; но время, къ сожалѣнію, требуетъ своихъ жертвъ—сила его обаянія пережила силу его голоса.

Для первой гастролы г. Тартакова былъ поставленъ (18 марта) «Фаустъ» съ г. Южинимъ въ заглавной партіи; спектакль прошелъ довольно няло: г. Фюреръ оказался недостаточнолымъ Мефистофелемъ, г. Южинъ не вполне еще освоился съ Фаустомъ, Валентинъ (г. Тартаковъ) былъ тоже не «въ ударѣ»; на своемъ мѣстѣ была лишь г-жа Полюкова (Маргарита).

Слѣдующимъ спектаклемъ шелъ въ первый разъ на киевской сценѣ «Мефистофель». Г. Антоновскій, какъ въ оперѣ Гуно, такъ и въ новомъ произведеніи Бойто, является хорошимъ Мефистофелемъ; партію Фауста пѣлъ г. Донской.

23 марта въ третій разъ была поставлена съ участіемъ г. Тартакова новая опера Н. А. Римскаго-Корсакова «Садко». Г. Давыдовъ довольно удачно исполнилъ трудную роль Садко. Г-жа Инсарова ужъ слишкомъ манерно играетъ Любаву. Хорошими гостями были г. Антоновскій, г. Южинъ и г. Тартаковъ.

23 марта шла въ первый разъ четвертая новинка опернаго сезона «Моцартъ и Сальери» и «Паяцы» съ г. Тартаковымъ. Въ двухактной оперѣ Н. А. Корсакова г. Давыдовъ и г. Свѣтловъ имѣли солидный успѣхъ. «Паяцы» прошли блестяще. Въ репертуарѣ г. Давыдова «Паяцы» безспорно занимаютъ первое мѣсто.

26 марта въ свой бенефисъ г. Тартаковъ возобновилъ «Риголетто». Оваціямъ и подношеніямъ не было конца.

28 марта утреннимъ спектаклемъ въ послѣдній разъ съ участіемъ г. Тартакова была дана опера «Карменъ» съ г-жею Сюненбергъ (Карменъ), г-жею Сагитта (Михаэла), г. Южинъ (Донъ-Хозе) и г. Тартаковымъ (торседоръ). Г-жа Сюненбергъ превосходная Карменъ, но при женственномъ Донъ-Хозе, какимъ является г. Южинъ, величественная Карменъ нарушаетъ иллюзію и противорѣчитъ художественной правдѣ. Г-жа Сагитта, бывшая ученица Вѣнской консерваторіи, не смотря на то, что на сцену выступаетъ всего лишь въ третій разъ, очень мило исполнила небольшую партію Михаэлы; по діапазону ея голосъ достаточно обширенъ, и хотя по силѣ онъ и не великъ, но звучитъ онъ чисто и пріятно.

Р—ичъ.

АСТРАХАНЬ. Вечеръ въ память А. С. Пушкина, устроенный нашимъ художественнымъ кружкомъ 21-го марта въ зимнемъ театрѣ, прошелъ весьма удачно. Въ программу живыхъ картинъ вошли: 1) прологъ къ «Руслану» (4 картины), 2) изъ «Донъ-Жуана» (3 картины) и Апофеозъ, во время котораго представители всѣхъ народностей Россіи, подъ звуки «Славы», исполненіемъ хоромъ и оркестромъ, возлагали вѣнки къ подножію памятника покойнаго поэта.

Живыя картины по истинѣ были чудесно поставлены; съ большимъ знаніемъ дѣла, со вкусомъ и очень эффектно.

Вся бутафорія и реквизитъ изготовлены были самими же членами кружка. Нѣкоторые костюмы сдѣланы по рисункамъ художниковъ: Соломки и Сологуба. Художникъ г. Власовъ, который ставилъ живыя картины, былъ вызванъ нѣсколько разъ всѣмъ театромъ. Между картинами было музыкальное отдѣленіе при участіи г-жъ: Павловой (сопрано), Бородиной (меццо-сопрано) и Ревеловой (сопрано). Гг. Кенемана (пianistъ), Шредеръ (баритонъ) кружка мандолинистовъ и казачьяго струннаго оркестра. Въ программу концертнаго отдѣленія вошли музыкальныя произведенія, написанныя на Пушкинскіе тексты. Наибольшій успѣхъ имѣли: г-жи Павлова и Бородина, спѣвшія красивыя дуэты: изъ «Онѣгина» («Слышали ль вы») и «Пиковой дамы» («Ужъ облаковъ померкнули края»). ими же были исполнены solo: изъ «Русалки» («Оставьте пражу сестры»), изъ «Пиковой дамы» (красивый романсъ Полины—«Подруги милыя») и романсъ «Ночь»—Рубинштейна. Наравнѣ съ ними имѣлъ громадный успѣхъ и кружокъ любителей игры на мандолинахъ, который очень музыкально сыгралъ, серенаду Брага. Посѣтителі ложъ получили на память о вечерѣ сюрпризы въ видѣ деревянныхъ палитръ, очень красиво разрисованныхъ членами кружка. Не смотря на возвышенныя цѣны на мѣста, сборъ получился полный (болѣе 1.000 руб.).

РИГА. Рижское Драматическое Общество, за такое театральную антрепризою, кстати сказать довольно неудачной, за истекшій сезонъ поставило на своихъ очередныхъ семейныхъ вечерахъ (21 вечеръ) всего лишь 5—6 капитальныхъ пьесъ, посвятивъ остальные вечера одноактнымъ пьесамъ, сборнымъ спектаклямъ или просто танцевальнымъ вечерамъ. Изъ большихъ пьесъ были поставлены: «На бойкомъ мѣстѣ», «Роковой шагъ», «Женитьба Бѣлугина», «Друзья дѣтства» и 11 марта была дана наконецъ давно ожидаемая «Чайка» Чехова. Исполнена была и поставлена «Чайка»—хорошо. Изъ исполнителей выдѣлились г-жа Равичъ въ роли Зарѣчной и г-нъ Семеновъ въ роли Тригорина. Тепло провелъ Треплева г-нъ Лучининъ и удачно справился съ трудною ролью Аркадиной г-жа Александра. Постановка этой трудной пьесы показала, что Драматическое Общество обладаетъ извѣстными силами. Для слѣдующаго семейнаго вечера ставится «Темный боръ» Немировича-Данченко.

БАЛАКОВО, Самарск. губ. Въ истекшій зимній сезонъ кружкомъ нашихъ любителей драматическаго искусства были даны на сценѣ коммерческаго клуба два спектакля въ пользу бѣдныхъ учениковъ мѣстныхъ школъ. Для перваго спектакля были поставлены «Разрушеніе Помпеи» ком. Д. А. Мансфельда и «Аспидъ» ком. И. Салова, для втораго поставленнаго на масляницѣ 26 февраля шли «Скользякій путь» драма Королева и «По кровавымъ слѣдамъ» фарсъ въ 1 д. Г. Н. Грессера.

Оба спектакля дали полные сборы, выразившіеся кромѣ всѣхъ расходовъ, въ суммѣ 325 руб., на которые куплены были одежда и обувь для бѣднѣйшихъ учениковъ пяти балаковскихъ школъ. На Пасхѣ же, какъ слышно, любители предполагаютъ тоже дать одинъ спектакль съ благотворительной цѣлью.

ЗОЛОТОНОША. Въ 1897 году, съ учрежденіемъ въ нашемъ захолустьи городѣ комитета попечительства о народной трезвости и съ открытіемъ послѣднимъ народныхъ чайной и гуляній, у немногочисленныхъ его членовъ зародилась мысль устроить народный театръ. Эта затѣя привела благочестивыхъ обывателей въ смущеніе. Большинство изъ нихъ смотрѣло на театръ, какъ на предосудительное богомерзкое учрежденіе. Однако, не смотря на отсутствіе сочувствія публики и даже явное противодѣйствіе нѣкоторыхъ обскурантовъ народный театръ, благодаря покровительству мѣстнаго предводителя дворянства г. К., былъ выстроенъ, правда въ кредитъ въ саду той же чайной и при томъ на рискъ предпринимателей.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1897 г. окончены постройкой павильонъ съ открытой сценой, нарисованы были декорации, приобретены также въ долгъ театральные костюмы, скамьи для зрителей и необходимые аксессуары для сцены, а затѣмъ составился труппа артистовъ—любителей, которые успѣли дать четыре спектакля. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Садъ едва вмѣщалъ въ себя зрителей. Заборы, деревья и крыша сосѣдняго сарая превратились въ бельэтажъ. Пискъ дѣтей, бурное выраженіе удовольствія публики, неистовый хохотъ и громкія замѣчанія народа по отношенію къ играющимъ на сценѣ, придавали своеобразныя условія нашихъ спектаклей. Приходилось иногда останавливаться артисту, такъ сказать, на полъ-словѣ и выжидать пока расхолодившая почтенная публика не успокоится. Случалось, что въ самомъ патетическомъ мѣстѣ пьесы, когда съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за игрой актера, вдругъ раздается трескъ сосѣдняго плетня, съ котораго падаютъ на землю неудачно примостившіеся на немъ зрители, и общій взрывъ хохота прерываетъ представленіе. Спектакли давались по воскреснымъ днямъ и въ нѣкоторые праздники. Всѣхъ спектаклей въ этомъ саду было 19. Поставлены слѣдующія пьесы съ водевилями: «Пошлысь у дурни» (Кропивницкаго), «Медвѣдь сосваталъ», «Шельменко-денщикъ», (Квитки-Основьяненко), «За двома зайцами» (Старицкаго), «Разведемся», «Несчастіе кохання» (Манько), «Денежныя

тузы», «Кумъ Мирошныкъ», «Мартышъ Буруля», «Ничъ пидъ Ивана Купала» (Старицкаго), «Батькова казка», «Будущая знаменитость», «Чорноморці», «Крѣпость взята», «Сватанія на Гончаривцѣ», «Ночное», «Дай серцю волю», «Дочь русскаго актера», «Ой, не ходи Грышю на вечерниці», «Лѣсъ» (Островскаго), «Тарасъ Бульба», «Пошлысь у дурни» «Докторъ на полчаса», «Женитьба» (Гоголя), «Бувалящича», «Цыганка Аза», «Мазепа», «Наймычка» и «Ревизоръ» (Гоголя).

Благодаря доступнымъ цѣнамъ (отъ 5 коп. до 1 р. 50 к.), регулярной постановкѣ спектаклей, разнообразію репертуара, представленіе всегда привлекали массу народа, причемъ случилось, что входные билеты расходовались за день до спектакля.

Въ спектакляхъ весь лѣтній сезонъ принимали участіе лучшія мѣстныя силы любителей-артистовъ, но такъ какъ нельзя было всегда рассчитывать на ихъ участіе въ спектакляхъ, какъ людей занятыхъ служебными и домашними дѣлами, то въ началѣ театрального сезона были приглашены три профессиональных артиста и одна артистка на роли *ingénue dramatique*. Эти артисты гастролировали въ теченіе всего лѣта за извѣстное вознагражденіе, причемъ всѣ они вмѣстѣ получили за это время 778 руб. 52 коп.

Въ постановкѣ пьесъ соблюдалась постепенность, т. е. въ началѣ давались пьесы, содержаніе которыхъ было просто и understandably для народа, а затѣмъ уже сдѣланъ переходъ къ болѣе сложнымъ.

Въ концѣ-концовъ театральное дѣло дало вполне удовлетворительные результаты, самымъ лучшимъ доказательствомъ чего служить цифра зрителей коихъ было въ теченіе лѣтнихъ спектаклей 10.317 человекъ, или въ среднемъ 545 человекъ каждый спектакль. Если принять во вниманіе, что г. Золотоноша имѣетъ всего лишь 8 тысячъ жителей, то число посѣтителей театра будетъ равняться 16 $\frac{1}{2}$ % всего ея населенія. Но эта цифра не соответствуетъ дѣйствительности и ее слѣдуетъ удвоить, если прибавить къ ней бесплатныхъ зрителей, для которыхъ во второмъ актѣ представленій отворялись ворота сада настежь. Неменѣе утѣшительно, что серьезныя пьесы привлекали наибольшее число зрителей.

Успѣхъ театральнаго представленія выразился въ 2002 р., вырученныхъ отъ продажи входныхъ билетовъ. На эти средства было приобретено имущества на 471 руб. 97 коп., а остальные деньги израсходованы на вознагражденіе артистовъ, какъ сказано выше, и на постановку спектаклей 751 р. 61 к.

Всего имущества съ приобретеннымъ на 407 р. 58 к. въ 1897 г. находится теперь на лицо, кромѣ зданія театра, на сумму 898 р. 73 к.

Цѣнность приобретеннаго имущества будетъ значительно, если принять во вниманіе, что многіе предметы были приобретены, благодаря случайности, по низкимъ цѣнамъ, другіе сдѣланы руками самихъ любителей артистовъ.

На ряду съ заботой о приобретеніи театральнаго средства было обращено вниманіе на сокращеніе непроизводительныхъ расходовъ на постановку спектаклей. Усилія администраціи театра увѣнчались успѣхомъ. Въ то время какъ любительскіе спектакли обходятся обыкновенно отъ 60 до 70 руб., наши вечерные расходы не превышаютъ 45 руб., куда, конечно, включаются вознагражденіе музыкантовъ, парикмахера, наемъ постоянной прислуги, освѣщеніе и проч.

Не смотря на то, что театръ имѣетъ до 500 номерованныхъ мѣстъ, помѣщеніе его оказалось недостаточно, чтобы вмѣстить въ себя всѣхъ посѣтителей. Многіе изъ мѣстныхъ жителей заранѣе приходили въ театръ и занимали излюбленныя мѣста, или приносили съ собою скамейки, на которыхъ стояли во время представленія, а нѣкоторые молодые люди по цѣлому часу висѣли на веревкѣ, прикрѣпленной къ столбу театральнаго зданія, продѣвъ въ сдѣланную изъ ея свободнаго конца петлю свои ноги.

Уборная въ театрѣ до того мала, что въ нѣкоторыхъ пьесахъ, гдѣ участвуютъ хористы, у нихъ не возможно всѣмъ помѣститься и приходится одѣваться и гримироваться по очереди.

Въ настоящемъ году губернский комитетъ попечительства о народной трезвости, въ виду успѣха театральнаго дѣла въ Золотоношѣ, ассигновалъ на постройку зданія зимняго театра пока 2000 р., на которые, конечно, выстроитъ даже самое скромное зданіе весьма трудно, но... *concordia res parvae crescent*.

Д. Кравичскій.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ ДЛЯ ВОЛОСЪ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу.

Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ.

Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская пл., № 2.

Миндальный кремъ (Crème d'amandes)

вмѣсто мыла для мытья лица и рукъ, замѣняющій мыла и миндальныя отруби, рекомендуется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ тѣжную и раздражительную кожу, не выносящую мыла.

Миндальный кремъ никогда не портится.

При употребленіи миндальнаго крема, лицо надолго сохраняетъ свою чѣистоту и свѣжесть.

Бавка въ 1 р., 60 к. и 30 к.

МЫЛО ИЗЪ МИНДАЛЬНОГО КРЕМА

Нѣжнѣйшее по составу, съ пріятнымъ ароматомъ. Кусокъ 50 коп.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Главный складъ у изобрѣтателей: С.-Петербургъ. Разъѣзная, № 13.

215 (г.—4).

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
„НАТУРЕЛЬ“.

Самая безвредная и прочная, окрашивающая волосы въ натуральные цвѣта: черный, каштановый и темпорусый.

Краска „Натурель“ не имѣетъ дурного вліянія на волосы.

Цѣна коробки 1 р. 60 коп., съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 25 к. Требуется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи.

Главный складъ: Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія „ГОЛЛЕНДЕРЪ“, С.-Петербургъ, Разъѣзная, № 13.

216 (г.—4)

Новая книга

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

ГРАФЪ де-РИЗООРЪ

(PATRIE)

Драма В. Сарду. Переводъ Н. О. Арбенина. (Пьеса безусловно разрѣшена къ представленію).

Иллюстрированное изданіе журнала „Театръ и Искусство“, съ портретами исполнителей и рисунками съ декораций при постановкѣ на сценахъ Императорскаго Московскаго Малаго театра и театра Литературно-Артистическаго Кружка.

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданія: Редакція „Театръ и Искусство“, СПб. Моховая, 45.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

Правиленія № 3.

Кто передаетъ или сдаетъ театръ можетъ адресоваться въ С.-Петербургъ. Троицкая ул., д. 10. Театральная библиотека Волкова-Семенова литеры С.А.Т. Желательно снять зимній театръ.

ЛЕКТОРЫ СООТВ. НАЦИОНАЛЬНОСТИ.
Брошюра безплатно.

Дмитровскій, 1 (уг. Стремянной).

9 языковъ КУРСЫ ЕЧИНАЦЪ.

Я. БЕККЕРЪ

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА:

Его Величества Императора Всероссийскаго
Его Величества Императора Австрійскаго
Его Величества Короля Шведскаго и Норвежскаго
Его Величества Короля Датскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

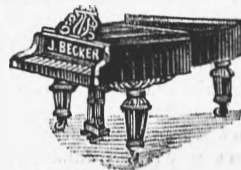
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ:

1893 г. ЧИКАГО — дипломъ и медаль.

1894 г. АНТВЕРПЕНЬ — „Grand Prix“.

1896 г. НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ — Государ. г.-р.

1897 г. СТОКГОЛЬМЪ — Золотая медаль

и Званіе Поставщика Его Величества
Короля Швеціи и Норвегіи.

ПІАНИНО отъ 450 руб.
РОЯЛИ отъ 600 руб.

Только что вышли изъ печати
Хвалебная пѣснь

А. С. ПУШКИНУ

Гимнъ ко дню столѣтія.

Слова Я. П. Полонскаго, музыка

Н. Александрова

Для смѣшаннаго женскаго и мужскаго хора. Парт. и голоса съ форт. каждое изданіе по 1 р.

Для одного или 2-хъ голос. съ фортен. по 30 к., безъ форт. по 15 к.

Отдѣльные голоса по 10 к., отд. партитуры по 30 к.

Гимнъ мелодиченъ и очень легокъ для исполненія съ форт. и безъ фортепiano.

„Скорбная лира“

Памяти А. С. Пушкина.

Вальсъ въ 2 руки Н. Зубова. Изданіе 60 коп. Роскошн. изд. съ портретомъ Пушкина и всѣ другія соч. изд. ко дню столѣтія Пушкина, гдѣ и кѣмъ они не были изданы, имѣются у

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ. Вольн. Морская, 34.
Москва, Кузн. мостъ, д. Захарьина.
Высылка съ налож. плат.